

Б.С.Перли

АЛЛЕГОРИИ

Иллюстрации Ю.Беришвили
Н.Петров

Каждая прожитая любовь оставляет рубец на душе. Броней этих многочисленных рубцов я должен был бы быть защищенным от мира, как корой. Но в толще коры есть впадины и выпуклости, которые существенно увеличивают воспринимающую поверхность. А рецепторы захватывают каждый освободившийся кусочек пространства. Т.е, умножая шрамы от страданий, ты создаешь посадочные места страданиям новым...

И нет выхода у того, кто задумался о причине и объеме своего страдания. Процесс пошел...

Благодарю тех, из-за кого страдал.
И тех, у кого я остался в памяти болью.

Простите меня!
и
Счастья ВАМ!

Оглавление

Оглавление	3
Цыпленок жареный	6
Цыпленок жареный	6
ОТ-душина	12
Счастье.....	15
-Ну что ты все о себе воображаешь?	17
Простейшие	18
Море	19
Остров	20
Возрастное.....	24
Сушите листья — станут легче	25
Истина.....	28
Дорога к звуку (1 вариант).....	30
Скала	32
Кустарник	35
Камень.....	40
Законы.....	42
Дубина	44
О ЖЕНЩИНЕ (почти наука).....	48
Дульцинея.....	52
Берег	53
Выпить за красоту.....	54
Динозавр	57
Поступь пустоты	60
“Красота спасет мир!”	62
Поток.....	65
Пень пнем	66
Лифт	69
Поезд	70
Старик и горе.	75

Поезд 2	75
Плач.....	79
Воздухоплавание	81
Секвойя	82
Радость.....	85
Гост	87
А тебе и впрямь хватает своих шариков?.....	88
Тарапура	90
Забор.....	91

Цыпленок жареный

Витают в мире мудрые мысли.

Бывают в мире честные чувства.

Летят над миром красивые птицы и правит их маршрутом любовь.

На севере заводят они птенцов и спасают их от мороза на суше.

На сковородках английских и французских, голландских и португальских цыпленка этого жарили. Каждый повар жарил недолго, знал уже, что птицу много раз приготовить старались, да не получалось это ни у кого.

Пробовал каждый повар на вкус свежеприготовленное блюдо и пересылал дальше - может цыпленка какой другой гриль возьмет или СВЧ прогреет.

Так и передвигался по свету цыпленок почтовыми отправлениями и оказиями.

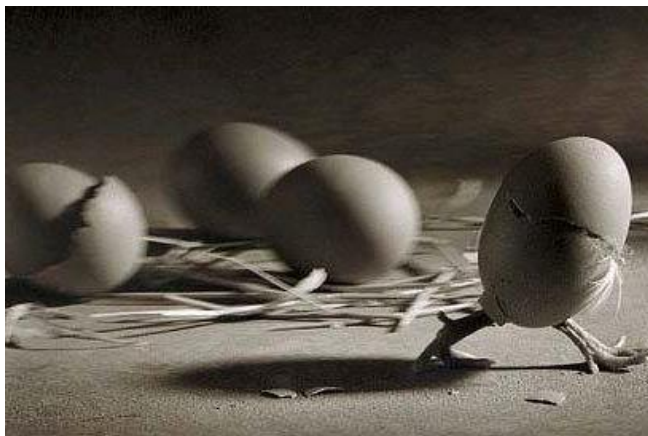
От роду перышками обделенный, да еще и давным-давно ошипанный.

Орлята учатся летать своим способом, а цыпленки жареные -своим.

А ведь все его одноинкубаторники давно уже съедены.

Как вошли в кондицию, так их к ГОСТу примерили и на стол.

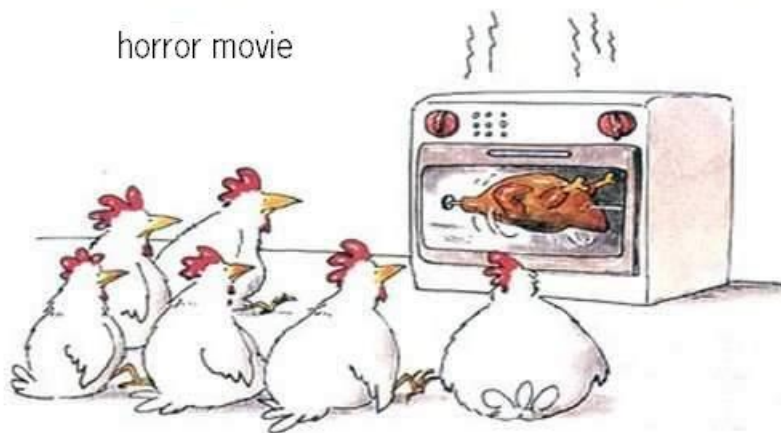
Только этот недомерком остался, хоть “от яйца” и ел за троих.

Хозяин, увидев, как цыпленок режим (врожденное это у него было) соблюдает и продуктов принимает много и строго по диете, сперва назначил его старшим по инкубатору - чтоб учил вылупляющихся птенцов, как правильно жить на белом свете. Но когда сменилось в интернате то ли третье, то ли пятое поколение, случайно долго выживавшие куры гвалт подняли, что, мол, нечестно цыпленок живет - их - на закланье, а он все сидит и поучает их, как готовиться к самому главному в жизни. Языки себе поучивает и медитирует над ихними судьбами.

Над своей-то ему - что думать!

Его дело вещать и вдохновлять личным примером!
Но обучаемым дела было до обучения мало - они уж
видели, что судьба вела их или в несущки, или в желудки.
Вот и отправил его хозяин впервые на сковородку.

Отправил и сам поразился: жарят цыпленка, а он все о
высоких материях - наблатыкался покудакивая свысока на
подопечных. И не же забывает каждый раз рассказать о своей
роли в этих материях. Выругался хозяин от несъедобности
продукта и отправил его подальше - к другу за рубеж.

Орлята учатся летать.

На своих крыльях.

Это они говорить не умеют.

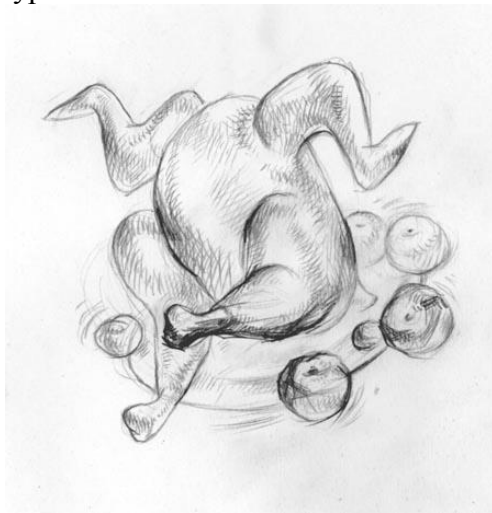
Цыпленка за границу унесли слова.

За первым полетом был второй - на следующую
сковородку.

Цыпленок - то для этой роли оказался созданным. Чтоб
его слегка пожарили, а он от души поговорил. Да при том он
еще и полиглотом оказался. С каждым поваром ведь нашел о
чем поговорить: с добрым - о пользе доброты, с немцем - выпить
- о пиве и шнапсе, с французом о бургундском и шампанском. С
поваром для бандитов у него тоже нашлось несколько общих
оборотов - он был полиглотом не только словами.

Внешнему согреву птичка отдавала только тело. Душа ее от этого не страдала. Ее жарили, чтобы съесть, а она училась и умнела.

Причем цыпленку нравились оба процесса - жарки (несгораемое тельце было худосочным и быстро заоченевало) и обучения: он уже увидел, что чем больше слов он знает, тем с большего шестка он когда-нибудь сможет кудяхтать на большее число кур.

Мозги цыпленку не прожаривали.

От каждого из поваров цыпленок уносил в следующий перелет новые слова. Причем оказалось, что у разных народов слова мудрости (или приятности) одни и те же.

Постепенно ценность цыпленка стала измеряться количеством слов, которыми он располагал. Его уже пересылали из страны в страну, чтобы только послушать не столько его (мозги-то по-прежнему цыплячьи), сколько - что по данному вопросу сказано в какой стране и какой книге.

Цыпленка одело в ореол красивых слов. Некрасивыми он не пользовался - просто как полиглот переходил с языка банкира на лексику казака, с диалекта политика на воркование сплетника.

Слова “Мир”, “Труд”, “Май”, “Свобода”, “Равенство”, “Братство”, но вместе с тем и “Честь”, “Совесть”, “Власть”, и “Деньги” - - какие-то быстрее, а другие медленней приживались и пускали корни под кожей.

Собеседники же - каждый, кто хотел, находил в этом пухе прельщающие его оттенки.

Больше никто не видел, что жалкое тельце было голым.

Его покрывал ровный гладкий слой сгустившихся слов и чувств тех людей, которые слышали слова, верили им, участвовали в них.

Люди обманывались сами.

Если бы они не слышали того, что хотели слов и не хотели им верить, то увидеть того, кто говорил было бы так просто! Всего-навсего - цыпленок жареный!

Но нет!

Поверх подسоя слов стало расти настоящее оперение - это он освоил и взял на вооружение: “Быть или не быть - вот в чем вопрос”, а рядом с этим пером прирастала вечная мысль “Восходит солнце и заходит солнце, а земля пребывает вовеки”.

Фразы покрывали крылья, туловище, хвост.
Материализовалась красота мысли.

Птица хорошела и, оперившись, росла.

Но под всем этим великолепием: “Мы отвечаем за тех, кого приручаем”, или “Рукописи не горят” - скрывался все тот же цыпленок жареный. Поэтому на концах роскошных перьев, конечно, были глаза. Чтобы видеть.

- Я тебе показал перо - фразу - А ты мне поверил?

Редкостный павлин изредка стал отваживаться на собственный вылет. Теперь крылья это позволяли. Сила мысли может нести кого угодно. Особенно если мысль красивая и если их много. “Человек полетит, опираясь на силу собственного разума”.

А если не человек!? И разум не его.

Все равно мысли будут нести.

Даже если на них опирается цыпленок жареный.

Мыслям нужно, чтобы их несли, даже если несет их жареный цыпленок.

Так уж устроен мир.

И если бы это было не так, жизнь была бы, конечно, правильной, но это была бы не наша жизнь.

Летят по свету великие мысли.

Несут их красивые птицы.

Сияют на ярком солнце их блестящие перья.
Роняют они свои перья в далеких и близких странах.
Красота так прекрасна издали.

Не ставьте павлиньи перья у себя дома.

Они слишком красивы, чтобы быть только перьями
птицы.

ОТ-душина

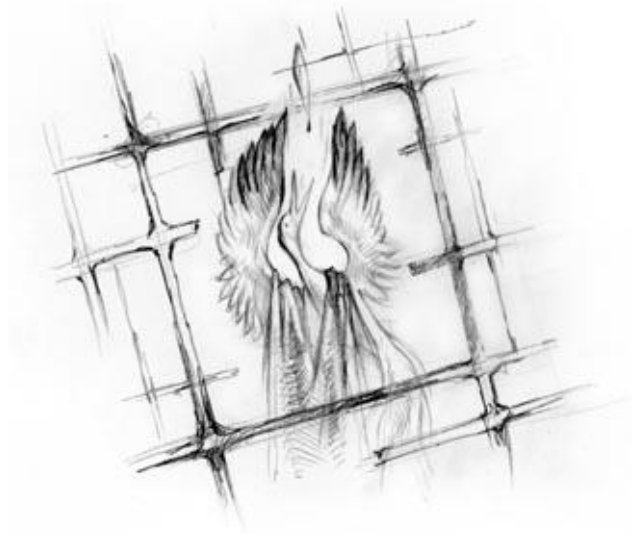
Бьются души о стены клеток. Чем меньше им, малокрылым, отпущено счастья полета, тем сильнее рвутся они на волю, где так, кажется, просторно носятся свободные души. И не представляют они себе, что те птицы - снаружи, просто, летают по другому, их собственному вольеру и из другого, отсюда не видного материала, сотворены их стены.

В клетки загоняют себя души сами, создав их из своих ограничений, а потом рвутся на свободу, не зная, что там лишь следующая клетка. Потому что любая преграда для бьющейся об нее птицы - уже клетка.

Однажды такая птица, спасаясь от холода и одиночества, нырнула ночью в какой-то ход и попала в незнакомую пещеру. Не все ли ей уже равно, в какой тюрьме проснуться утром. Все они одинаковы. Птица только-только вырвалась на свободу из многолетнего заточения, и было в ней ограничение самой себя - она могла только думать о том, что свободна. Рабство наоборот в терминах свобод, но ведь все равно рабство. А когда утром проснулась, найти обратный путь оказалось невозможным. Ни лучика не было в пустой пещере.

Но обитатели здесь были. Летали по пещере летучие мыши, пересвистывались своими ультразвуками, а когда уставали, усаживались по выбоинкам в стенах, и те удобно выгибались им навстречу. Так заботилась о них гора - самая большая здесь душа. Это она приберегла уголок для каждой мыши, а теперь впустила внутрь случайную птицу с ее бедой. Черную птицу.

Разбила душа когда-то крылья об очередные стены, почернели перья от запекшейся крови. Так навсегда и остались они черными. Потому что как ни назывались следующие рубежи, об них только увеличивалось число ран на нежной груди птицы. Но в темноте пещеры все крылья одинаковы. Черным-черно кругом.

Лишь

носятся по пещере птица. Воздух рассекает так, как мышам и не снилось. Рвется на свободу, как привыкла. И привычно ждет, что вот-вот опять грудью наткнется на стену. А предела нет. Раздвигает гора свою пещеру - душу, чтобы могла маленькая свободолюбивая душа-птица лететь туда, куда ей захочется. На то она и гора, чтобы и вместить много, и раздвинуться пошире.

Меняет птица направления, скорость, высоту, но лишь расширяется пещера. Становится шире, выше и просторней.

Темно вокруг. Никто не видит, что заросли раны на груди птицы и выросли новые перья на окрепших крыльях. Дальше может отважиться полететь душа, выше может

подняться. А гора все раздвигает свои стены. Они уже только тонкой скорлупкой охраняют полость внутри.

Не думает гора о том, что Гора она.

Только хранит маленькую душу, рвущуюся на свободу, ведь лишь гора пока знает, насколько эта птица сейчас хороша.

Она давно уже не черна.

И наступает, наконец, мгновение, когда птица вылетает к свету.

Рассыпается в песок тончайшая уцелевшая еще перегородка между пустотой в горе и простором вокруг. Вместе с поверхностями рассыпается само понятие ГОРЫ. Исчезает ее гордость - высота, да и само имя ее.

А прекрасная птица с изумительными перьями погибает. Она отдала все силы стремлению к свободе, но в прекрасном мире так много света и воздуха, что разрывается маленькое сердце, не в силах вместить сразу так много.

Но. Она умерла свободной.

Давно нет горы. И нет птицы.

Есть только легенда о большой душе, которая отдала то, что у нее было, за маленькую иллюзию: “Она нужна этой птице”.

Счастье

Счастье, даже самое безмерное, иногда сжимается до такой малости, что найти этот малюсенький комочек само по себе является счастьем.

Да, но это счастье, даже если представить себе его тоже безмерным, тоже может сжаться .

Да, но это счастье, даже если представить .

Да, но это счастье, даже если .

Да, но это счастье .

И когда уже ни один микроскоп не сможет найти утерянной точки, счастье вдруг

взрывается, заливая ослепительным светом все вокруг.

Да, но это счастье, даже если представить .

Да, но это счастье .

Да, но бывает счастье, которое не зависит от того - безмерно ли оно сегодня или сжато в комок. Ты ощущаешь, как изменяется счастье вокруг тебя и в тебе. Но если что-то изменяется, значит оно есть. И ты счастлив, понимая это.

Но бывает счастье в тебе уже от того, что СЧАСТЬЕ есть на свете. И если не забывать это чувство - твое счастье будет с тобой неизменно.

-Ну что ты все о себе воображаешь?

Воображай, деточка! Ведь ты и есть то, что ты о себе
вообразишь!

Простейшие

"Ну, амёбы,- оглянулась инфузория на дальний берег, где остались безутешные Золушки.- Я вам покажу, чья она, эта посудина!" И одноклеточное отважно повернуло свою лодочку-туфельку в открытый простор.

А лужа, служившая ей морем, пенилась и наполнилась от безудержных потоков слез соискательниц.

Море

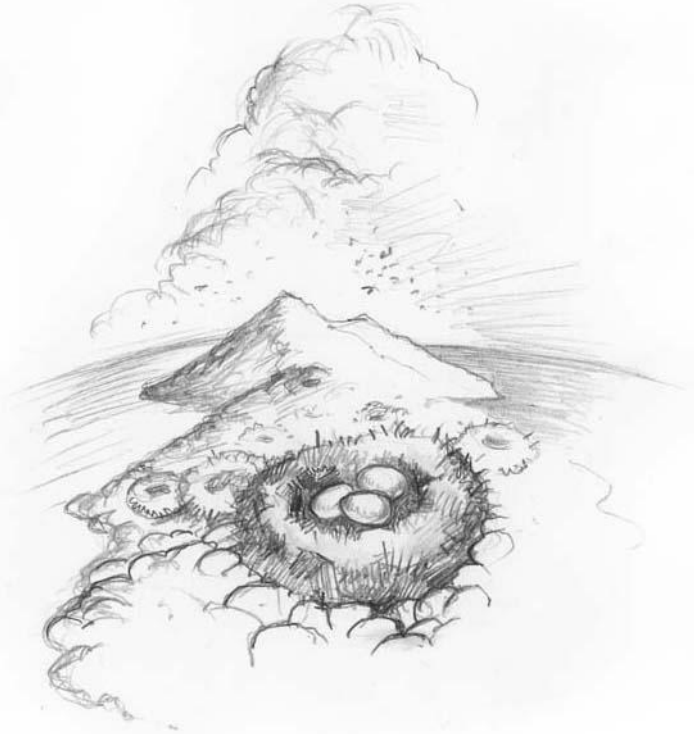
В лужу можно плевать так много, что она разрастется до размеров моря. А что уж морю до какого-то там плевка!?

В меня так много плевали, что пора б уже и осознать себя морем.

Но почему аутотренинг не помогает от очередного плевка!?

Остров

К югу от земель северных и к северу от южных, на расстоянии дальнего птичьего перелета лежал пустынный остров. Редкая птица долетала до него, потому что не сравнить было ширину того водного простора с Днепром даже в половодье, а ведь “редкая птица долетит до середины Днепра”.

Но долетали туда, все-таки, птицы в сезонные свои перелеты, перекусывали, чем бог, т.е. остров послал, и, отдохнув, продолжали свой путь. Сильные и красивые птицы отправлялись дальше, а усталые, заболевшие и раненые оставались тут — остров лежал к северу от юга, где они

проводили зиму (и, оставив юг, можно было считать его самой северной точкой полета). Если же стая летела на юг, то остров находился так далеко от севера, что всем всегда было очевидно, что юг может начинаться и здесь.

Остров радовался гостям и расстилался им навстречу, открывая каждую свою ложбинку и ручеек, склон и рошу. Он хотел избавиться от дворянской приставки “Не” перед своим определением “.обитаемый остров”. Он был островом-трудягой и он любил работать для тех, кого любил. Поэтому он с удовольствием старался, чтобы птицам тут понравилось и, наконец, какая-нибудь из них свила тут гнездо.

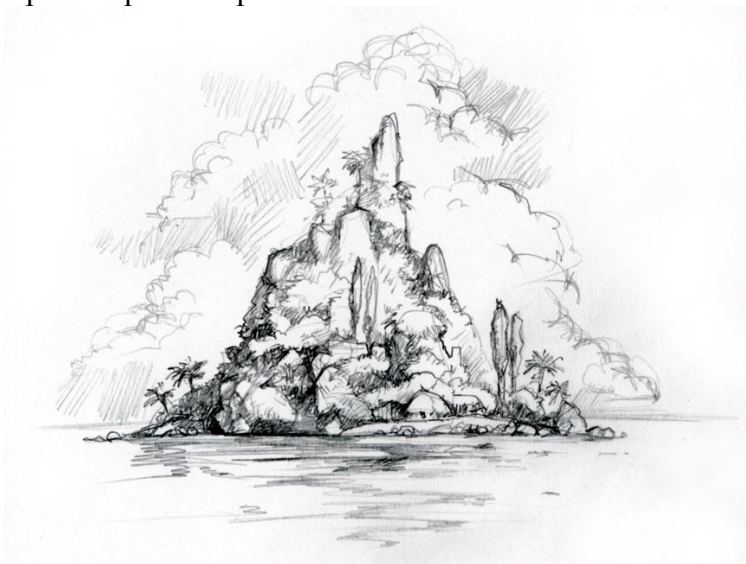
И, действительно, такие находились. Подбирали щепки, водоросли и палки, скрепляли их слюной и глиной и строили свои гнезда. Некоторые даже пытались снести здесь яйца и вывести своих птенцов, но каждой семье что-то мешало — слишком удачно размещался остров и был он такой удобный, что каждый день над ним проносились стаи и ни одна птица не могла почувствовать себя одной-одинешенькой, одной-единственной обитательницей в своем гнезде.

А еще над открытым островом “дули ветры к северу, дули ветры к югу и возвращались ветры на круги своя”. И неуютно было птицам на семи ветрах.

Выздоровев и похорошев, оставляли птицы временное пристанище и ложились на крыло, оставляя за собой опустевшие гнезда и потоки помета. А в памяти острова копились воспоминания о красивых и гордых птицах, для которых он сделал все, что было в его силах. И вновь и вновь для следующих птиц он копил по берегам водоросли, ветки, стволы и обломки. А в душе надежду — а вдруг?

Прилетали птицы и улетали птицы. Поколения за поколениями оставляли здесь свои гнезда. Сливались гнезда в слои. И столетья отличались друг от друга их толщиной. Но с каждым гнездом у острова вновь оживали безнадежные надежды. Гнезда создавались, вырастали, обживались, пустели и распадались, оставляя небольшой холмик на теле острова. Каждое из них ничего не изменяло в его облике, как и жизни,

разве что прибавляло разочарований — но чем уже 2-х миллионное отличается от 3-х миллиардного. Но слой за слоем нарастал на теле острова, и он рос ввысь. Стекал компост экскрементов в стороны и протягивался остров с севера на юг. Больше обломков приносили на его берега пересекаемые водные струи, и рос остров вширь.

Остров хотел быть полезным. Единственным существам, которых он знал — птицам. Для них он рос. С ростом его размеров росли и его надежды — ведь теперь до него могли добраться не только сильные и большие птицы, но и самые маленькие и слабые. Может быть среди них, не столь привередливых, могли найтись те, которые захотели бы поселиться здесь и полюбить его.

Но его ждал тот же обман природы. Птицы отдыхали на острове и поздоровевшими и похорошевшими улетали “к себе”. А он вырастал на то, что оставалось после них.

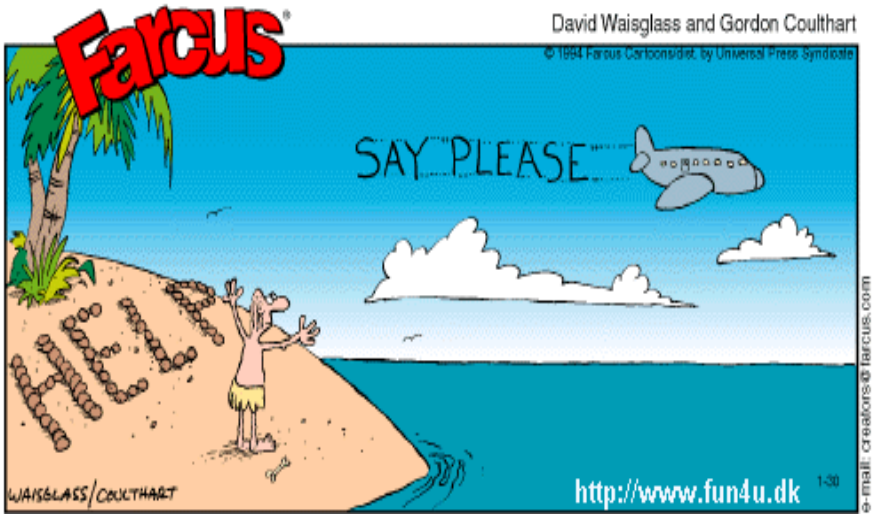
И он действительно стал полезным.

Но не тем, о привязанности которых мечтал и которыми любовался.

Остров вытянулся настолько, что коснулся одним своим боком — земли на севере, а другим — берега на юге.

По перешейку люди проложили рельсы.

Регулярно проносятся по нему быстрые поезда,
распугивая случайно приземлившихся птиц.

У каждого есть свой север и свой юг. И растут наши души от пустых гнезд несостоявшихся чувств.

Возрастное...

Совместно со Стелой Морисовной Бондаренко

Наши годы, увы, не сравнятся с весной.
И походка Не песня, и песня НЕ та.
В нашем возрасте тысячи НЕ или НО.
Но ЗАТО в нашем возрасте тысячи ДА.

Мы становимся мягче, мудрей и добрей,
хоть разменяны жизни в стране дураков.
В наши годы уже не меняют друзей,
Лишь теряют друзей, как, увы, и врагов.

Ремесло сквозь года проросло ремеслом.
Ведь приходит не вдруг всемогущество рук!
В нашем возрасте ценят свое естество
С закоулками тайн и подвалами мук.

И наглядна тщета суеты и погонь,
ведь прожитые миги уже волшебство!
На достойно и честно жить в мире с собой
И любимыми быть, если вдруг повезло.

Сушите листья — станут легче

У листьев тоже есть духовная жизнь — пошелестеть.

Добыть кислород из CO_2 своим собственным хлорофиллом — это их плотский уровень. Ихнее бессознательное. А подсознательно листья жаждут общения и сознательно его удовлетворяют. Шелестит листва. Когда она маленькая, касания нежных листьев почти не слышны. Вот уж к осени, матеря и местами по краям желтея, листва от малейшего ветра только и знает — шептаться и шелестеть, шелестеть и шептаться.

Наступает осень, слетают листья наземь и укладываются толстым ватным слоем. Но, пока еще не сгнили, иногда удается пошелестеть — пойдет ли кто рядом или подует ветер, а ты лежишь поверху и не так еще промок, чтобы уйти в торф. И этот

последний шелест о том, что ах, как хорошо шелестелось наверху!

Вверху шелест и шепот, внизу молчание и лишь случайные иногда шурх и шорх, но посреди...

Облетели окрестные листья и последний оставшийся каждого из них проводил взглядом с веточки. Сначала с соседних, потом видимыми и родными стали последние листья с отдаленных веток, а там и с других деревьев. Когда улетали первые, было остро больно, потом очень больно, потом безумно больно. Жалко! Себя! Ненужно живого! Зачем-то!

Они улетали вниз и на кроне зияли оспины их выпадения. А он проживал с каждым его уже привычно неотвратимые стадии: здесь шелест, падение и там, иногда, шелест. А оставшемуся сначала было не с кем пошелестеть, потом некого увидеть, потом не о ком вспомнить. Вечный шорох, падение, последний шелест и все .

Все, нет еще одного листа. И не прошелестит о нем никто: сначала остались далекие друг от друга считанные листья, потом опали все.

Пришло его время. Враг ветер, сорвавший всех его родственников с их мест, учуял его слабость. Корешок листа отломился от веточки, и лист оказался на ветру. Сейчас падение на мягкий слой упавших раньше. Надо бы только изогнуться, чтобы ветер (ему же все равно!) донес его до больших куч. Он потянулся и обнаружил, что если углубить желобок под левым . можно пожалуй, повернуть плоскость под углом к ветру, и он, кажется, будет держаться навесу. А если в сторону!

Листья не чайки. Те могут изгибать крылья и прижимать их, распускать хвост и складывать его. Но у листа тоже может быть чувство полета. И мысль, которой казалось под силу увести его дальше, чем находилась вот та высокая куча. Лист не хотел шуршать внизу. Не хотел!

Он искал в себе то положение своих частей, которое уносило его от кучи. Хотеть! Листу?!

Ветер нес его, прислушиваясь к новой воле, которая просыпалась в нем. Листья для ветра не могут быть быть

врагами: он триллионы их носил по свету. Ветер почти бездушен. Но почти . Он, может быть, хотел бы хотеть.

У листа пробуждалась душа?

Он чувствовал полет, в-чувствуясь (а почему нет? если можно вслушаться) в каждое свое, возможно ошибочное, от-чувствование чему-то внешнему, и не хотел в покой. Даже с шелестом, потому что он, явно, оказывался на самом верху самой большой кучи.

Он хотел.

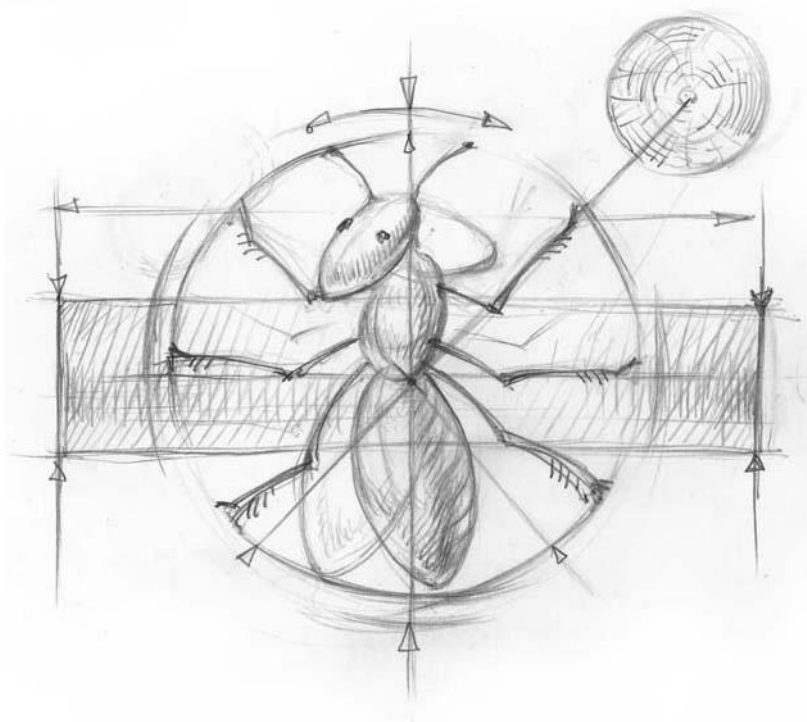
И его желание влияло на струи ветра — они бережнее касались его несущих плоскостей, он утоньшался — ветер уносил грязь и желтизну с его зубцов, и лучше слышал дыхание мира.

Он хотел, чтобы его несло, и ветер хотел его нести. Желание листа совпадало с желанием ветра, и их общая душа летела над миром.

В порывах ветра растворился лист. Он ушел из мира, в котором шепчут и шелестят. Он стал полетом, обогатив полет собой — миром летящего листа.

Истина

Обрел муравей истину. Прекрасную и блестящую истину — “Бог есть любовь”. Внутри себя обрел, выносил, сформулировал, родил, вырастил, и — как самое ценное, что сотворил в жизни, повлек в муравейник.

Только вот истина оказалась больше муравья. По сравнению с ним что бревно неповоротное.

Наперевес не понесешь — все куда-то перекашивает — то в сторону бога, то в сторону любви. Он конец потяжелее

взвалил на плечи и поволок. И, с одной стороны, правильно к небу божественная часть поднимается, а с другой — любовь об землю слишком трется, пачкается и двигаться мешает. А как поменял он сторону, чтоб с любовью бок поднять повыше, да почище чтоб ей было, бог по грязи поехал.

От тяжести работы и обилия заботы неумогу муравью — споткнулся и головой оземь, а сверху тяжесть. Сперва прибила, а потом сплюснула. Он, падая, еще успел видение увидеть (провидец, наверно был, домедитировался) — камень, а на нем надпись: “Здесь лежит истиной задавленный”, но не тут конец ему пришел, а чуть позже: муравьиха где-то подхватила от кого-то нечаянно “Бог есть любовь” и точно так — в муравейник поволокла. Вот ее-то бревном муравья и добило, как она об него споткнулась.

Вот что значит необразованные муравьи. Учили ж вожди личным примером, что бревна, чтоб унести, с разных концов, как минимум, вдвоем нести надо. А уж тяжесть “Бог есть любовь” надо бы разделить с группой товарищей. Тогда “Бог” будет на одних плечах, “Любовь” на других, а ты понесешь себе слово “ест”, а остальным останется только смягчать ощущения доставшимся мягким знаком.

ДРУГОЕ ОКОНЧАНИЕ. Разными путями пришли муравей с муравьихой к этой тяжести — он от “Бога”, она от “любви”. Но одна у них на двоих истина, и понесли они свою вдвоем обретенную тяжесть в муравейник. Только вот нежная она, эта истина. Шли двое в ногу, попали в резонанс, задрожало бревно у них на плечах и упало. Слишком в ногу — тоже плохо.

Разбитая истина лежит при дороге, каждое понятие отдельно, под колесами любовь, в обочине бог и торчит острием вверх “ЕСТЬ”: я есть, ты есть, пробивая проходящие души — **КТО ТЫ ЕСТЬ!** Никто не может, не хочет и не станет забывать — “Кто он есть”. Но, может, и не должен?

Дорога к звуку

Сначала все дрожало, а так как ничего не было, то дрожала пустота. Дрожь (потом, когда появится наука, ее назовут вибрацией) сама себя как-то упорядочивала и уплотнялась, чтобы из нее когда-нибудь появился шум. Шум это когда много разных трясок трясутся по-разному. Когда же тряски трясутся как-нибудь похоже, появляется звук.

Так вот - сначала были вибрации.
Потом из вибраций выделился звук.

Так из радиопомех и разрядов появляется сначала треск и шорох, из которых скрип и шум, а затем голос человека или инструмента.

Потом появились чьи-то уши. (Чтоб слышать этот звук).

И только потом наступило Слово.

Это только говорится так: Слово. На самом деле - много слов. А зачем слова без мыслей? Значит - и много мыслей.

Все слова когда-нибудь кем-нибудь говорились. Ибо “Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки” или “Рукописи не горят!” были всегда и входили в то Слово.

И всегда был тот, кто эти слова ловил и осваивал.

Не усваивал, а присваивал.

И говорил, говорил

Во вселенной много вибраций: любви, нежности, дружбы, заботы...

Тихих и бессловесных

Но на вибрациях разных электромагнитных частот есть место не только им.

Но чем больше голосов ты слышишь, тем тебе хуже: среди них так много крикливых и визгливых! Они-то не помнят, что появились из шума хаоса.

А считают, что именно они (чем они громче) нужнее для ушей окружающих.

Скала

Когда измученный жарой караван бедуинов подошел к голой черной скале, старые погонщики стали готовиться встретить рассвет за сбором росы. Так здесь делали их предки и предки их предков. К утру с остывших за ночь поверхностей в специально выстроенные плоски набиралось несколько чашек воды верблюда не напоишь, но сам спасешься от безумия.

Только один, впервые попавший в этот караван (а потому бесполезный в кропотливой и точной работе) любовался скалой, просто как застывшим нацеленным вверх движением, выросшим из плоскости в небо.

Стоял один из тысяч бедуинов у одинокой скалы, которых тоже было немало в той пустыне. Стоял, стоял, потом взял свой посох и что было сил ударил в середину плоского участка стены. Ни до, ни после этого он не поступал так, и никаких мыслей при этом у него не было. Но ударил из скалы поток, и восславили бедуины своего бога (до Иешуа это было и, тем более, до Аллаха) за то, что он послал им столько воды.

Ушел караван, и забылось имя путника.

Но через десятилетия занесло его опять сюда к этой скале.

Его, много лет размышлявшего над самым главным событием в его жизни - почему с ним случилось это, почему тогда и еще про воду, еще про него самого - Кто же Он, и еще, еще, еще.

Бил по-прежнему из скалы поток, и никто из окружавших не знал, откуда этот поток взялся.

Караван ушел. А путник остался. Он принялся ножом выковыривать над потоком буквы - одни из первых в мире. Буквы складывались в слова, а они гласили:

“Я тот, кто увидел душу скалы”.

Под черной скорлупой скалы, оказывается, был белоснежный камень и, когда бедуин ушел, под солнцем желтой пустыни сверкали, вызванные им небытия белоснежный пенный поток воды и белоснежная надпись над ним.

Прошли еще десятилетия, и бедуин пришел в свой последний путь к самому памятному месту в его жизни. Надпись, правда, немного потускнела, но он почистил ее и она вновь стала белоснежной.

Она была прекрасной эта надпись, и бедуин повторял ее снова и снова:

“Я тот, кто увидел душу скалы .”

“Я тот, кто увидел душу скалы .”

“Я тот, кто увидел .”

И когда он повторил ее в миллионный раз, раздался еще один голос:

“Я та, кто увидела душу человека .”

Человек услышал Голос и превратился в белоснежное хрустальное изваяние

Прошли столетия. Со скалы облетела черная кора. На ее белоснежном фоне лишь темнеют старые буквы. Рядом со скалой стоит камень, похожий на бедуина древности и бьется у его ног поток. Такой же белоснежный, как оба камня. И никто уже не прочтет древних писем. А жаль! Там написано:

“Я тот, кто увидел Ваши души .”

Кустарник

На каменистых плато Патагонии там, где казалось бы не могло вырасти ничего, рос крючковатый кустарник. Он рос никем не замечаемый из столетия в столетие, и его коричневые побеги были под стать коричневым камням окрест.

Но однажды, когда его корень случайно коснулся вод океана, кустарник очнулся. Он осознал себя кустарником, сползшим с плато на берег и ему безумно захотелось, чтобы из этого доселе незнакомого ему чуда - водного простора, к нему, только к нему пришла Красота.

А как может узловатый и крючковатый кустарник представлять Красоту?

Кораблем!

С безупречными линиями, стройными мачтами и бесконечными рядами умытых иллюминаторов.

“Пускай ко мне приплывет ЭТО!” - взмолился кустарник.

Потом пусть еще тысячу лет я буду чахлым и коричневым, но ДАЙТЕ мне хоть на миг увидеть ЭТО!

От истовой мольбы напряглись все силы древнего растения, по ним побежала незнакомая страсть желания и произошло нежданное - кустарник зацвел.

Как яркие были эти цветы! Куда ни глянь, каменистая пустыня стала покрываться красными и белыми точками - кустарник сам не знал, насколько же он, оказывается, велик!

С каждым днем число цветов увеличивалось и их не только становилось больше, но и каждый следующий цветок был больше предыдущего. Точки объединялись в пятна, которые затем становились целыми полянами цветов.

Но кроме кустарника на плоскогорье жили еще и люди. А им, привычным к коричневому цвету, новая окраска пустыни показалась противоестественной, незнакомые цветы - омерзительными, а их запах - отвратителен. Для них был красив коричневый мир и коричневые растения, дома и лица.

Они принялись сражаться с неожиданной напастью - цветущим растением, но срубленные побеги немедленно пускали корни и продолжали цвести. Да вдобавок к тому же цветы продолжали увеличиваться в размерах.

Попытки поджечь кустарник тоже оказались напрасными - огонь его не брал. И, не обращая внимание на последствия своих дум, узловатый и колючий, он продолжал выбрасывать огромные цветы и мечтать о выдуманном:

“Приплыви ко мне! Ведь я так красиво цвету! Ты же такой прекрасный! Ты увидишь и поймешь, как я тебя жду! Я люблю тебя так - расцветая! Разве кто-нибудь для тебя так красиво цвел?”

И покрывались дивными цветами плоскогорья, холмы и горы.

А корабль к нему, действительно, летел.

Мощный боевой корабль. С безукоризненными обводами, грозными орудиями и уходящим вдаль бесконечным рядом иллюминаторов. Волна, вздымаемая им, отшвыривала крупные суда и топила мелкие, он несся напролом сквозь яхты, шкуны, лодки и время.

Он спешил.

Не замечая ничего на пути, повредив даже предыдущий корабль из той же серии. Он пронесся рядом с недавним флагманом, снеся с того половину обшивки: у красавца была толще броня, мощней моторы и безжалостней капитан. Могучий линкор помнил, как оцарапал его тот корабль, когда его три года назад спускали на воду с соседнего стапеля. Как скрипели тогда от боли шпангоуты только зарождавшегося судна, еще не покрытые броней. Но теперь он с лихвой воздал обидчику! Правда, на скуле остался след от столкновения, но воины гордятся шрамами.

И он несся вперед, улыбаясь ссадиной.

У него была цель - выполнить задание!

Мощь судна была настолько велика, что оно рассекало острова и пропоролось насквозь Антартиду.

Оно, действительно мчалось в Патагонию.

К кустарнику!

Корабль был пустым.

В сейфе капитана лежали две коробки спичек.

Только они, сделанные из саксаула, далекого брата патагонского кустарника, могли поджечь не нужное Патагонии чудо.

Корабль прибыл к прекрасному красно-белому берегу.

Пронзительным взглядом влюбленного кустарник издали увидел рану на носу прекрасного судна. Он выметнул ввысь во всю свою мощь самую красивую плетть, покрытую самыми багряными цветами так, чтобы подошедший к берегу корабль

мог прикрыть цветами свою рану и тогда она бы стала похожей на губы, набухшие от поцелуев.

Древнее растение, ожившее от любви, не знало, что вымечтало себе убийцу.

Эти красивые обводы и мощные моторы обозначали смерть и спички.

Но сейф так и не был открыт!

Это было не нужно!

Миллионнотонный корабль, пролетевший близ полюса холода Антарктиды, прибыл к Патагонии колоссальной глыбой ледяного металла.

Он набрал так много холода!

И примчался, не прогревшись.

Вздыбленная ледяным гигантом волна вынеслась на берег и на миг затопила цветастое море с редкими уже коричневыми участками.

А схлынув, унесла с собой все мгновенно опавшие лепестки.

Миг изменил мир.

Красота, как ее понимали в Патагонии, была восстановлена - плато отныне и навсегда вновь стало ровным и коричневым!

Но кустарник, конечно, получил свою секунду счастья!

В его море к нему приплыл его корабль!

“Только,-подумал он, засыпая- жаль, расплата пришла раньше, чем ты, мой прекрасный, мог увидеть и оценить мои цветы”.

А на борту судна так и не возникло интереса к деталям пейзажа. Цветы за бортом не интересуют капитанов. Их волнует только, насколько оценено, как изящно и блестяще выполнено задание!

Корабль разворачивался. Можно было спокойно ждать прибытия баржи, в которую превратился ободранный бывший коллега. Капитанам было о чем поторговаться перед

представлением в Адмиралтейство доклада о совместной проделанной работе. (Столкновение что ж - дело семейное!)

А еще стоило осмотреться по сторонам - от пробоин и царапин на обшивке не застрахован никто. Надо издали увидеть другой боевой корабль, оценить величину и возможную опасность и, если нужно, понравиться. Вот когда должны пригодиться его безупречные линии, стройные мачты и бесконечные ряды умытых иллюминаторов.

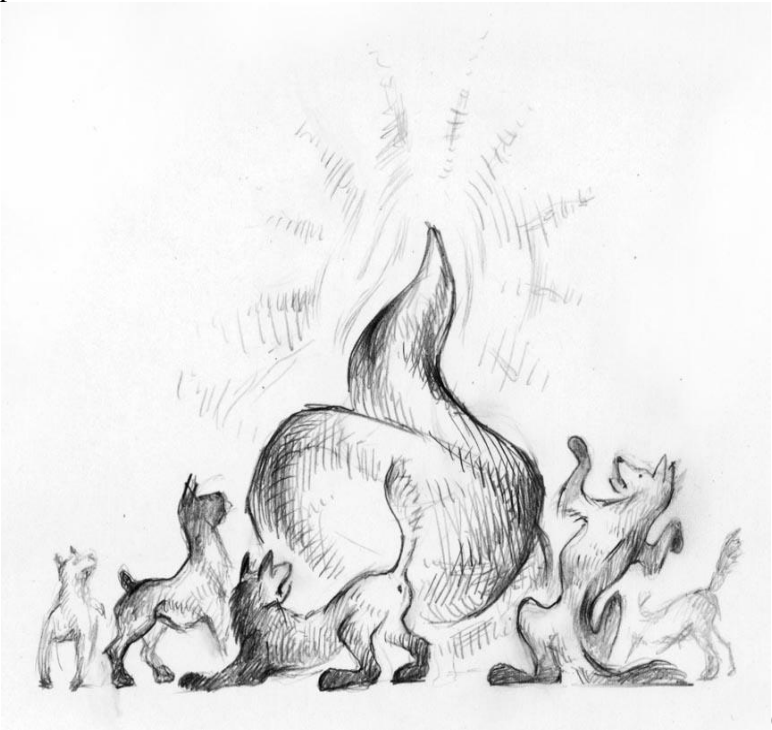
Ведь так хочется подольше быть наплаву! Но это уже другая сказка.

Другая концовка:

А на борту судна так и не возникло интереса к деталям пейзажа. Цветы за бортом не интересуют капитанов. Их волнует только, насколько оценило Адмиралтейство, как блестяще они выполняют задание!

Камень

По дороге в светлое будущее одиноко бежала собака. Увидела симпатичный камень у дороги и, подумав: “Какой **случай!**” - присела на него и справила, что полагается. Собака была большой и доисторической. Поэтому то, что после нее осталось, немедленно из большой кучи стало большим доисторическим ископаемым!

С

ледующая собака, бегущая по той же дороге в том же направлении, увидев это произведение природы, подумала: “**Достопримечательность!**” и тщательно почесалась об него. Собака насладилась, а часть ее волос втерлась в не везде еще

застывшие участки каменеющей поверхности. Животное убежало, оставив по себе память непонятым узором в валуне.

Для следующей собаки встреча с неизвестно откуда взявшейся в этих ровных краях глыбой стала уже **событием**. Она долго ходила вокруг нее, нюхая - не пахло, пробуя на вкус - камень. Разглядывая загадочные узоры на скале, собака вытоптала тропу вокруг нее, утоптав окрестную землю, что еще больше подняло камень над уровнем ног. Так и не уяснив природы неожиданного дива, она понесла в свое будущее уверенность, что встретилась с **чудом**.

Когда же, готовая к встрече с чудом, которое стоит при дороге, сюда прибежала очередная собака, она увидела, что непонятные никому линии складываются в божественный лик. Ее пронзило ощущение, что она причастна к тайне, что ей доверено судьбой соприкоснуться со **святыней**. Просветленная от истовой молитвы на нее, собака, как птица, понеслась в свою теперь уже гарантированно-светлую судьбу.

Каждая из когда-то оглянулась назад. И как бы раньше не называлось ею то памятное место у дороги, одно было общим - издали хорошо был виден камень, отмечающий поворот.

С того места, откуда они смотрели, до светлого будущего оставалось столько же, сколько было тогда, но зато хорошо было видно, какой большой путь к нему был каждой к нему проделан.

Законы

*Если женщина красива, то кому
это нужно— умна она, неумна .
Если женщина некрасива, то кому
это нужно— умна она, неумна .*

Женщина может сказать “Нет” по миллиону поводов, но выяснение подлинного представляет интерес лишь академический. Во-вторых, причина все равно не в них, потому что, во-первых, — уже сказано не “Да”!

Женщина может сказать “Да” по миллиону поводов, но выяснение подлинного представляет интерес лишь академический. Во-вторых, причина все равно не в них, потому что, во-первых, — уже не сказано “Нет”!

Дубина

Обычно растения жаждут воды. Но однажды создал Господь дубину, которая питалась исключительно незлым тихим словом. Как получит порцию ласковых интонаций - личность. Не получит - дуб дубом. Толстей, знай себе, и матерЕй, кору наращивай. И забот в жизни-то всей, как у растения: польют - не польют...

Словом!

Только молвите!

Хоть без улыбки!

Но грянул сухостой - ни пол доброго слова четвертый год любимым голосом не звучит. Дуб уже и туда ветки простирает, и сюда... Ан, не дают.

Шуршал, шуршал ветками, скрипел самыми толстыми: "Чего замолчал, мол, - голос?" - ну и вымолил. Дождлся.

Самый нежный в мире голос, оказывается, умел складывать безликие слова в сухие фразы, а чувственность его так помогала «производственно-безлико» докласть об успехах роста во всей лесополосе, что стало растение потихоньку саксаулом. Ни тени теперь от него, ни покоя.

Колючками произрастает.

Но с надеждами у саксаула не по лыку мука: то взгляд придумает истолковать, то интонацию... А как придумает - расцветает.

Вы когда-нибудь цветущий саксаул видели? Снаружи лысо. Внутри пусто. Трезво до последней добытой капли. Сухо до того, что самую толстую песчинку влажной назначают... Чем цветет?! Зачем цветет? Кто видит?!

А никто. Та (чьим Голосом звучит для него радость), для (или из-за) кого цветет - не видит его (Дубину) - не важен, не нужен. Не интересен.

Двое вместе, когда в радость. А если один себя слышит докукой?!?

Кому нужно - это взаправду, или мерещится?!

Внутри тебя - только твой мир. Кто внутри чего, что внутри кого... Растворись в чувстве...

Вот ОНО-то есть... Но как называется?

Или кажется, что есть. Так подожди.

Себе самому себя ценить скушно. Усыхать пора.

Вобрались лепестки внутрь души. Можно не беспокоится, что увидят, помешают кому.

Тело суше, легче, тоньше... Формы у него прорезались.

Прохожий мимо проходил, симпатией проникся. Погладить захотел. А под ладонью что!?

Ну что кора-корой, так он и не ожидал другого. Но ведь дубина в своем одиночестве истосковалась по ласке. И, вроде, пришла...

Так вот нет же!

Бесчувственно бревно-бревном прожила дубина пробежавшие по ней руки и никакой Буратино в ней не шелохнулся.

Для другого вида любви она, Дубина, создана.

Может, для раздумья о любви?
Сомнений?

Понимания, что, может, не в ней, несуразной Дубине, вся глупость собрана? - не во-время подхватила влюбленность... Да не только ее эта беда: «сучка не схочет – кобель не вскочит!» Т.е. не сама придумала – а изначально в Голосе был, таки, призыв.

Другое дело, что Голосу развивать чувства, продолжать... Усилия прилагать. Душу. Да у голоса форма гортани лучшая в округе. А модуляции.!

Так и льются в душу слушателей! Чтоб жалели и помогали... Сострадали и прослезивались...

А может полюбить Голос?

Бревно-то исходит собою: «Люби, люби! Меня!!!»

А Голос и так примеривается, и эдак, а не может.

Приговаривает, что и «прохожие мешают», и «налюбился я за бесцельно прожитые годы». И климакс, мол, у меня, и полипы... Сколько слов!

Так длинно: «Я рядом с тобой ничего не испытываю!».

Вместо сразу короткого НЕТ!

Зачем тогда умильный тон? Подпитка надежд в тупом полене?

Ведь смотри предыдущую сказку. «Во-первых сказано, «НЕТ». А все остальное представляет интерес лишь академический!»

Тем временем однажды любимый голос охрип. Простуда.

Прогреть бы ...

Чем могу... Да собой, Дубиной...

Гори, гори ясно...

Среди вороха обломков, поленьев, досок, больших и малых щеп
нашла себе Дубина место - "Ну хоть так я тебе, голос, буду
полезна..."

Что за личность - Дубина.

Что уж беречь ее словом! Тем более - подбирать их надо...

Все может быть. И уже безразлично, - почему не услышал их
страждущий – то ли на сегодня нет у Голоса для Дубины слов,
то ли их вообще нет в Голосе для этого слушателя.

А еще может быть, что «Да» нет у этого голоса этих слов... Ну
не отпущено ему.

Гори, гори, мое бревно.

Огню, которым ты станешь, все равно - слов, которых не
прозвучало, нет ни сегодня тебе, ни для тебя в этом голосе, да их
и нет на языке голоса.

О ЖЕНЩИНЕ (почти наука)

Если у мужчины за его длинную жизнь было от одной до трех женщин – что ж – это глубокий человек. Нельзя всего за одну жизнь постичь чужую душу и остается только пожелать ему, чтобы в следующей жизни он встретил ту, с которой ему было так хорошо!

Если у мужчины за его длинную жизнь было от четырех до десяти женщин – что ж – он математически точен в выборе

пределов. Пусть исследования покажут ему, что единица отличается от десятки на один только ноль – т.е. отличия величин большого значения не имеет.

Если же в его жизни было от 10 до 300 женщин – этот человек пловец в житейском море.

Вода, влага, жизнь!

Реки впадают в море:

Я знаю женщину. Она - река,
Исполненная света и покоя.
Нетороплива и неширока,
Но не коснуться дна ее рукою.
Бывало, люди в суете своей
Без интереса, так, забавы ради
В своем пути заглядывали к ней,
К ее покою, и ее прохладе.
А их засасывала с головой
Задумчивая речная заводь.
Но если в ней и утонул иной,
То кто-то смелый научился плавать!

М.Алигер.

Но и не такой бывает вода:

Я знаю женщину, которая не вмещается в одно русло, а потому под каналом в бетонных берегах, струится другой - невидимый. По каналу плавно плывут нарядные суда, им салютуют знамена над шлюзами. А снизу в слизи и грязи извивается подземный грязный и мутный поток. Но, конечно, иногда его путь лежит и сквозь высокие прекрасные карстовые пещеры...

Спасибо тебе! Ты и в самой грязи помнишь о своей высокой части....

Я знаю женщину – напиток:

Я пить хочу тебя, как влагу влаг,
Прохладу губ и свежесть глаз
Ты от бокалов ног до амфор щек
Один сосуд, один глоток.
Которым, может, в миллионный раз
Чуть смочишь рот. Иссушит вновь соблазн.

Я помню тебя нектаром. Но помню и уксусом.
Спасибо тебе!

Я знаю женщину - бурный поток. Она неслась по моей душе, унося оттуда все, что нам с ней было не нужно. Как же тяжело ей пришлось! Спасибо тебе!

Я знаю женщину – озеро в Прибайкалье. Одинокое заколдованное озеро в пустыне. Вода не уходит в песок, потому что хранит озеро его дух – седой монах в остроугольной шапке. Незыблема поверхность и непостижима глубина.

Прости меня!

Я знаю женщину – теплый и нежный дождь! Она промывает каждую твою клеточку...

Не говори дождю «спасибо» - просто не бери зонтик и улыбайся ему навстречу.

С тобой всем так чисто...

Но Женщина не всегда Вода – она бывает и берегами:

У чужой косы, на чужом плесу
мой корабль застыл на реке невзгод.
Он чужую там боронит красу.
Хороша краса. Да запрещен плод.
А куда ни глянь – берега кругом.
Хочешь – нос вонзай! Нет – бортом прижмись!
И куда ни стань – и приют и дом!
И зовет изгиб, и манит извив.

Но цепей лучи не теряют цель!
Тянут взгляд туда, где мой мир и лад,
Где над лаской трав в сказке дремлет ель.
Но навек застыл там чужой фрегат.
И к его бортам приникает луг
Хоронит обрыв в бурю и метель.
Что же вспомнит вдруг тот чужой приют?
В шквал из-за скалы протянув мне мель!

Я знаю женщину – храм! Тыходишь в ее руки и
поднимут твой взор в бесконечную высь эти своды...

Я молился тебе. Как молился!!!!!!!!!!!!

О если б всегда успешно:

Я знаю женщину...

Знаю?

Да разве можно это утверждать на таком малом числе
опытов!? Всего-то!!!! Меньше трехсот.

- А ты раздвинь рамки. Увеличь статистику!

Э нет...!

Вот до 300 – это наука!

Поиск.

А 301 женщина – это уже блядство!

Берег

У чужой косы на чужом мысу
Мой корабль застрял на реке невзгод
Он чужую там боронит красу
Хороша краса! Да запрещен плод.
А куда ни глянь – берега вокруг.
Хочешь? Нос вонзай.
Нет? Бортом прижмись.
И куда ни стань – и прию и дом.
И зовет изгиб, и манит извив.
Но цепей лучи не теряю цель,
Тянут нос туда, где мой мир и лад.
Где над лаской трав в сказке дремлет ель.
Но навек застыл нам другой фрегат.
И к его бортам приникает луг
Хоронит обрыв в бурю и метель.
Что же вспомнит вдруг тот чужой приют
В шквал, и в стынь, и в шторм
протянув мне мель?

Выпить за красоту

Много на Земле вулканического стекла — обсидиана. Это великий Гефест, бог Огня и Ремесла, послал его из своих мастерских наверх, чтобы полюбовались люди на красоту, им сотворенную. «Вот вам, люди, материал, стекло. Когда-нибудь и вы научитесь такой выдувать, отливать и резать!»

Эстет был хромой бог. Красоту больше жизни любил. Недаром женой его была красавица Харита — богиня красоты и грации.

И творить красоту любил Гефест.

Ковал он ее и отливал.

Металл и стекло.

А больше других форм любил он форму сосуда. Выпить любил хромой бог, и выпить красиво. Выходили из его божественных рук восхитительные кубки, и губы прекрасных богинь освящали нектар, который подливал им, обходя вокруг стола Зевса, пошатываясь на нетвердых ногах, хромой Гефест.

И первые колокола во славу богов отлил он в виде кубков. Обращены звуки колоколов были вверх — к богам. Сменились с тех пор давно боги, но до сих пор по всей Европе раскачиваются колокола зевом вверх, прославляя Бога единого и всемогущего.

А когда освоил Гефест в совершенстве все, что мог сотворить из металла, взялся он за стекло. Не вулканическое — темное, а прозрачное — чистое, как слеза. Ибо блестели в стеклянных кубках радуги, неведомые мастерам по металлу, и красота нектара становилась в сосуде очевидней.

Однажды вырезал он из свинцового стекла — хрусталя много кубков. Волшебных кубков. Чудесных кубков. С божественным не материальным содержанием.

В каждый кубок вложил бог душу. Отличную от других душ. Со своими чаяниями и ошибками, по-своему нежную и ранимую. Но и в чем-то черствую, а где-то слабую. А талантов в математике, воровстве и танцах посеял бог немерянно... Нормальные божьи создания... Иди знай, что в каком упрятано!

И что интересно в божественных кубках — души, которые в них, сосудам принадлежат, и выбраться из них не могут! Но люди, что берут хрустальные кубки в руки, ничего в тех кубках не видят.

А вот душа волшебного сосуда такую же душу в соседнем сосуде обязательно разглядит. И начинает к ней рваться! Так рваться, так стремиться, так тянуться — ведь сколько еще столетий родную душу не увидишь — что рука хозяина сама тянется к кубку, нежно поднимает его и несет к тому, единственному сосуду, в котором находится единственный возможный собеседник ...

Сближаются сосуды, прикасаются сосуды, звенят бокалы.

И не смогут никогда сблизится души этих сосудов. Стенки не пускают! Прозрачные, граненные и прекрасные!

Уходит страсть в хрустальный звон!

Не разрешившись слиянием!

И смеются древние боги!

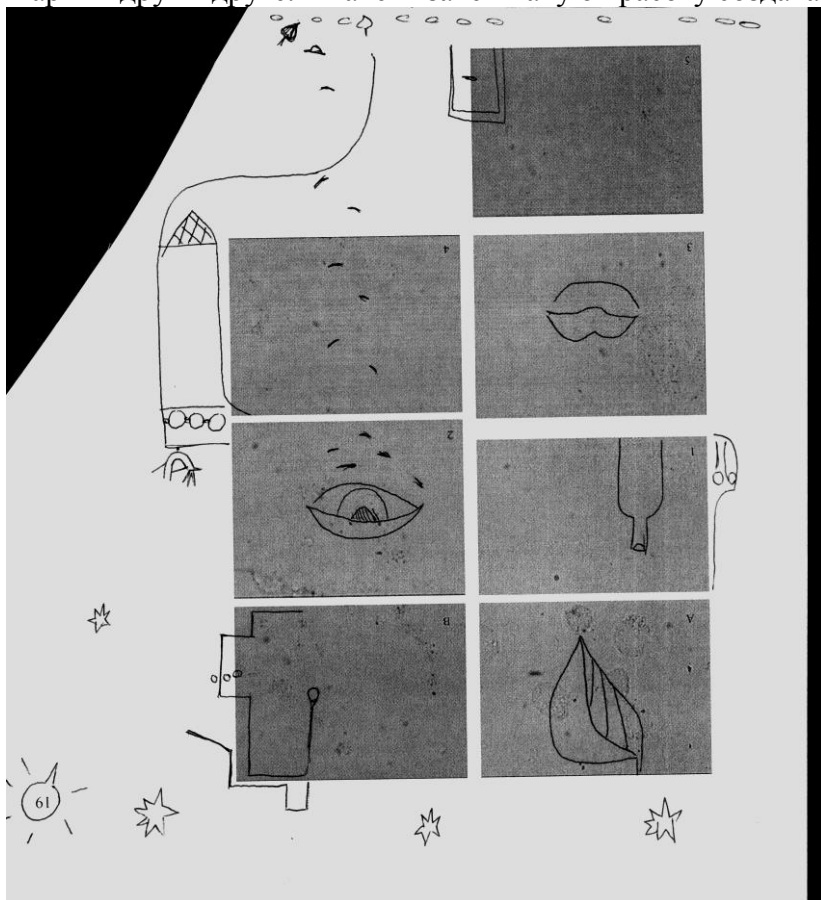
Души, в огне порожденные Гефестом, успевают еще перекинуться словом, но все заглушает звон! Мысли, желания ... , а результат их чувств славит богов!

А в другой раз занялся Гефест выдуванием закрытых сосудов. Подсмотрел, наверно, у китайцев (там боги еще постарше были) как красиво, когда шар в шаре, а в нем еще и еще шарики все меньше виднеются. Вот и принялся вдуть — выдуть сосуд в сосуд. И не забыл же свою шалость — в каждый сосуд запрессовал по отдельной душе. А в самый маленький посадил душу с подозрительной трубой. Чтобы изнутри мог разглядывать окрестности.

А над тем сосудом другой возвышается. Со своей душой. И возвышенной, и расслабленной. И на берегу океана нежащейся. И разглядывающей маленького человечка, суестьегося в бутылке из песка торчащей.

Хорошо ей, этой большой душе, просторно, свободно, вольготно. Потому что не знает она о границах ее собственного

мира. Но это ей только чудится, что она такая большая, что самодостаточная... Кто-то рассматривает эти стеклянные шарики друг в друге. Иначе ж зачем такую красоту создавать!?

А В

чью душу входит, читатель твоя душа?

Ты, хоть ее не знаешь, когда растешь, поднимаешь и ее.

А мир состоит из душ. И только из душ. Вещи-то тленны. (Ну, кроме пирамид, конечно. И еще, допустим, дорог в Андах)...

Расти душу. Не укради, не убий... Любуйся божественными сосудами. И их прекрасным содержимым.

Позаботься без звона и шума о мире.

Ему от этого будет лучше.

Динозавр

Люди не могут без проблем.

Чем плоха проблема из глубины эпох: отчего вымерли динозавры!?

Чем плох ответ:

“Динозавры вымерли от любви.

К людям”.

В самом начале динозавров было так много, что кроме них никого не было. А людей, наоборот, не было ни одного. Не было на ком динозавриному глазу и отдохнуть. Куда ни глянь - туши, туши, сморщенная кожа, гребни громыхают да мозгов полграмма на тонну. Но зато сердца большие. У иных

даже по два. Они если чего не поймут - почувствуют. Поверхность большая - теплое отношение (от солнца), ступни большие - экологическую чистоту мезозоя. И всем колоссальным своим сердцем (а иные двумя) любили жизнь. Потому и жили миллионы лет.

Пока не появились люди.

Это с точки зрения людей динозавры некрасивы.

А с точки зрения динозавров красивей людей, просто, нет созданий. Динозавры ж не только на лица смотрят. Они еще и сердцем воспринимают.

Брел как-то из мезозоя в кайнозой старый трицератопс. Встретил на дороге маленькую девочку.

Ну, ни в сказке сказать, ни годок пожевать как следует:

она глаза

ми

вкуснее, чем в пищеводе.

Ах, какая девочка! Позже запоют: “Хочу такую!”

А динозавру-то другая не по што.

Эту и только эту.

Постоял, побалдел и поспешил дальше: чтоб успеть в кайнозой, всего-то 300 млн. лет осталось. Идет, нога за ногу, нога за ногу. Динамическая медитация называется. А за время медитации в мозгу просветление происходит. Благо, что маленький он, весь светом так и пронзается.

И постигает динозавр, будто будет у него следующая жизнь, а в той жизни рядом с ним будет вот та девочка. Долго будет. Может, всегда!

И богов пока нет. Посоветоваться не с кем.

Нога за ногу, нога за ногу.

Зачем идти в кайнозой! Хочу эту! А к девочке таким возвращаться - пугать ее только.

Перерождаться пора.

Что там в следующей жизни? Боги или девочка?

И такое у него поднялось сердечное сердцебиение, что по всей туше хлынул поток доисторической крови. Бросило его в жар. А как достиг поток мозга, так и пришел трицерепсу конец. Куда уж тому мозгу выдержать выдержать такой прилив! Может его половодьем смыло, а может insult случился!

Но одним динозавром на земле стало меньше.

Лежит трицерепс, а над ним сородичи. Куда ни глянь - туши, туши, сморщенная кожа, гребни громыхают да мозгов полграмма на тонну. Но зато сердца большие. У иных даже по два. Они если чего не поймут - почувствуют. И чувствуют они последнее чувство покойного: “Зачем идти в кайнозой! А к девочке возвращаться - пугать ее только.

Перерождаться пора.

Что там в следующей жизни? Боги или девочка?”

Чувствуют, со-чувствуют. Телепатируют. Мозгов думать не хватает, а интуиция, она в сердце размещается. А у иных и в двух.

“Что там в следующей жизни? Боги или девочка?”

И как позднее скажут о лицах еврейской эмоциональности, что за компанию, мол, жид удавился, рядом с первым ложатся.

Так и вымерли динозавры. Почти одновременно. И повсеместно.

Но, кажется, скорее, люди (и девочки тоже) не будут умирать от любви к динозаврам. Они будут выдвигать гипотезы, отчего же те вымерли?

Поступь пустоты

Сначала все дрожало, а так как ничего не было, и все было ничем,- то дрожала пустота. Дрожь (потом, когда появится наука, ее назовут вибрацией) сама себя упорядочивала и уплотнялась, чтобы из нее когда-нибудь появился шум.

Шум оглядывался назад и ощущал себя сильно продвинутым продолжением своих предков - пустоты и дрожи.

Шум это когда много разных трясок трясутся по-разному. Когда же тряски трясутся как-нибудь похоже, из вибраций выделился звук.

И увидел Бог, что звук хорош. И захотел, чтобы не только он сам наслаждался им. Бог создал уши. (Ну а к ним приделал и все остальное).

И только потом наступило Слово.

Это только говорится так: Слово. На самом деле - много слов. А зачем слова без мыслей? Значит - и много мыслей.

Приходят мысли из пустоты.

Помолчите, не думайте. Ловите мысли из ниоткуда. Они больше нас.

Все слова когда-нибудь кем-нибудь говорились. Ибо “Род приходит, и род проходит, а земля пребывает вовеки” или “Рукописи не горят!” были всегда и входили в то Слово.

Но не всегда Слово достигнет Чувства. Чувство уже не оглядывается назад: “Я выше мысли, а та выше слова”. Вокруг чувства уже пустота. Или чувства.

Истинны Чувства, а мысли . Кто знает.

И не всегда эти мысли надо нести дальше. Оставьте их себе! А вдруг они адресованы только Вам. И Вашим Чувствам.

Одно и то же чувство нельзя прожить многожды.

В отличие от мысли, к которой возвращаешься снова и вновь.

Расходятся же не мысли, а слова. Их еще больше,

И только голос единственный служит напоминанием о том, что от пустоты до самого высокого чувства лежит дорога в немножечко шума.

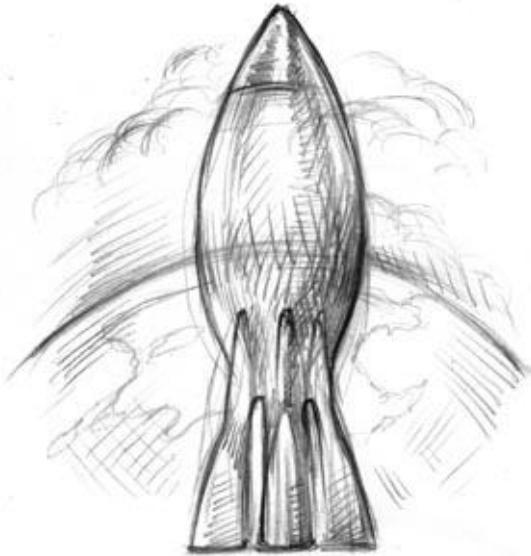
“Красота спасет мир!”

Как же, как же...

Особенно красота Елены прекрасной - мир на Ближнем Востоке.

Грек грека издалека увидит, а гречанку тем более.

Ехал грека сначала через реку, потом повез красавицу за море, и стал на остальных греков смотреть свысока, в смысле со стены Трои. Оглянется грек назад, а там красота. И давай отбиваться от тех, кто раньше этой красотой любоваться мог. У этой войны очень женское лицо.

Приз переходящий!

Чья возьмет, того весь мир и будет. А заодно и красота этого мира. Красота, она миру ВО КАК способствует.

“Красота спасет мир!”

“Красота спасет мир!”

Если красота алмаза маленькая, ее усугубляют огранкой. Тогда он становится бриллиантом. И вот тут уж он ну совсем не спасает мир.

Это ж сколько грабителей и жадин в мыслях об нем время проводили. Кто-то даже кого-то слегка прирезал.

Но мир, действительно, красотой спасен. Убийцы и богатеи, наверно, больше бы бед наделали, если бы их камень некоторое время не занимал.

“Красота спасет мир!”

Миру - мир - это пускай в мире будет все спокойно!

Мир в отдельно взятой душе зависит только от качества ее и состояния.

А ты нечаянно взял и сдуру поверил: “Красота спасет мир”, привязался к чему-то там красивому и где он, этот мир!?

Где твой покой?!

“Спасет Красота мир!”...

Не спасет, но насколько оживляет его! Лучше вечного покоя!

Милый мой, ты мой мир!

Так чего душе больше надо: мира или Красоты?

Жила однажды герцогиня, которой подданные за доброту прощали безобразие. Страдала она, ощущая себя уродиной, среди прекрасного своего народа. Долго страдала, пока не нашла написанное ее же предком: “Мои подданные умны, преданны и работящи. Но, Боже мой, до чего же они уродливы!”

И стала Герцогиня прекрасной! Хотя и в собственных глазах!

Во СВОЕ спасение!

Так что же нам сегодня назначить красотой?!

А то, что захотим!

И пускай себе спасает!

Поток

Впадает бурный поток в полноводную реку:

- Ты меня приручила? Давай, отвечай за это!

- Да не, парень, я тебя знать не знаю.

А он себе впадает, потому как оба вниз катятся. По наклонной плоскости.

И она ему по причине, как по дороге, отказать - ну никак не может.

Сле

дующий ручей, совсем посторонний, а об том же:

- Ты меня приручила? Давай, отвечай за это!

Она и его принимает. И несет его водичку.

Хотя, правда, сама ни в какие уж рамки-берега не лезет.

Но ответственность на себя берет: “Куда ж деваться!?”

Мы же в ответе за тех, кого .”

Да не в ответе за попутчиков ни она, ни ты!

Вам с теми, кто в ВАС впадает, просто, ПО ДОРОГЕ
ИЛИ НЕТ.

Пень пнем

Жил был старый, уродливый и бездарный пень.
Никому не интересный в своих болезнях и брюзжании.
Долго жил. Бесконечный который день.
Воскресенье.

А во вторник с утра взялся он за букварь. Буквокам,
строчечкам и деточкам по обеим сторонам страницы ведь все
равно - какой он (пень).
Они живут себе своей жизнью, и в ней есть место тому, что он
(пень) наделал.

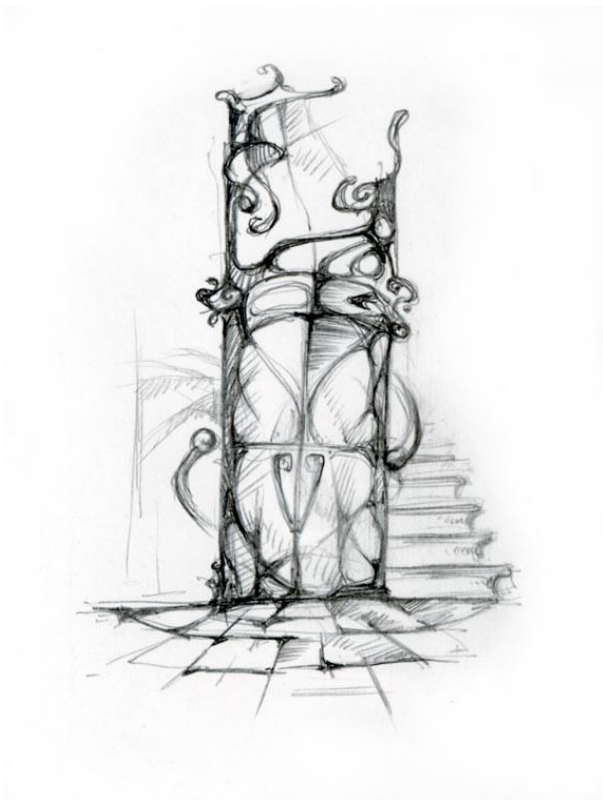
В четверг трудолюбиво кормил он муравьев. Пошире растопыривал свои опоры-крылья в земле. Чтобы больше простора было муравьям бегать, таскать и питаться соками, которые все зачем-то струились по массивным корням патриарха. И что уж дела было насекомым до забот и мыслей трухлявого пня, который и был-то для них всегда лишь средой обретения. Зато в субботу, надоела проза, он разрабатывал способы обретения потомства от связи песочно-черной морской звезды с двуглавым орлом... Но вот в воскресенье с утра он всласть принялся лелеять, какой он - заурядный, трухлявый, бездарный и никому не нужный пень. Даже стволикам молоденьких деревьев многочисленно проросших из его отрогов неподалеку... Даже грибам-паразитам, обильно покрывшим его кору. Но опять суматошные будни, и во вторник пень строил геометрически точный орнамент из облаков, проплывавших над ним. Каждое из облаков, как известно, полуживая сущность, которую немудрено рассеять, задумавшись о ней. Осталось только научиться прекращать процесс, когда облако превратится в треугольник или квадрат. А уж из них сложить орнамент - делать нечего. А в четверг .... Но по воскресеньям, строго, он был старым, бездарным, уродливым, и никчемным... Пень - пнем. Лишь иногда, когда неврастения заполняла его полностью, маниакально- депрессивный напор тяжелых мыслей становился силен настолько, что обламывались сучья у нависшей над ним березы и падала полнокровная полешка ему на темечко. И чем точнее она попадала по трухлявому пню, тем быстрее у него наступал понедельник.

А во вторник он дрессировал светлячков, чтобы образовать по сторонам тропинки из них бордюры. И в ночи, ограниченный светлыми границами, путник с дороги не мог свернуть....

А в четверг...

Но по воскресеньям он, чаще всего, от себя – старого, бездарного, уродливого и никчемного с упоением никуда не девался.

Лифт

«Какой лифт маленький!

В нем не уместятся Вы, я и мой высокий моральный облик.

Облик доедет до 2-го этажа, а с пятнадцатого и выше вы будете уже такая беременная!!!

А мне же на последний - 20 этаж.»

-Да? - фыркнула она дверцей.

И повезла мой моральный облик на недостижимый 101 этаж.

Поезд

Ехал старый поезд. За своим тепловозом.

И пункта А в пункт Б где, может, ждала его переплавка.

Длинный старый поезд с дальними пассажирами, их неторопливыми мыслями. И поезд был ими. Неторопливым, размеренным, с хорошо по-дальнему продуманными планами. Много раз он одолевал один и тот же путь, и здоровался с обжитым куском мира спокойно и достойно.

На одном из перегонов он догнал электричку, и она потянулась за ним с той же скоростью – электрички быстрее ходят, но часто останавливаются. Так что, у него было время рассказать ей о тех местах, где они проезжали – знал он и в каком году эта церковь построена, и кто ставил вот этот город. Говорил, говорил и залюбовался ею.

Новая, чистая, со скошенными по-восточному иллюминаторами. И как слушает, и как понимает... Отрываться уже не хотелось, и он впервые замедлил ход в неполюженном месте, где у нее было подряд несколько остановок.

Маршрут у электричек короток. Ее привычный путь был в 3 больших перегона.

А через 3 перегона станет она другой

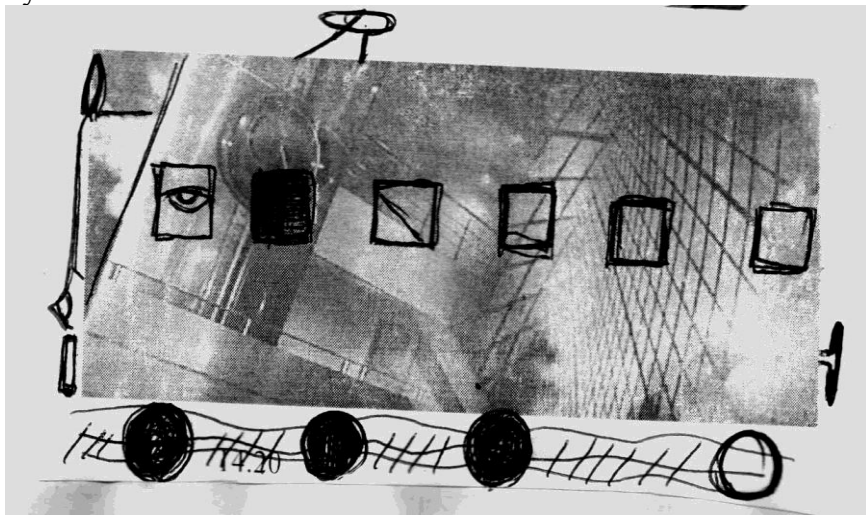
Он и ждал того, что повернется она и уйдет, тем более, что машины регулярно ремонтируют, и за это время электричка, действительно, меняется.

Но и новая была притягательна. Они были вместе еще 3 перегона. И, хотя отношения изменились (он все меньше ощущал себя старшим и мудрым), становясь зависимым от ее нежных гудков и мерного стука колес. И все не уходила, хотя он ей гудел: «Мне в переплавку, уйди...»

А ее тонкий гудок не соглашался и пел о почитании опыта и нужности опоры...

Он ждал ее, когда она выгружала пассажиров у очередного Ашана и на крыльях любви догонял, когда она набирала современную скорость по дороге вверх.

Они неслись вместе, как в туннеле, образованном его и ее чувствами.

И вся дорога знала, что ИХ двое, уступала дорогу и не ругала за отставания от графика.

И его привычный стук колес выбивал:

Стук-стук, стук-стук, стук-стук.

Пре-дан, Пре-дан, Пре-дан.

Ей – из другого поколения и ритма.

Туннель был длинным и казался бесконечным.

Ему.

Но на конечной их вместе остановке она увидела на параллельном пути новый мощный электровоз. Навстречу.

И исчез туннель.

К нему! С ним, новым, блестящим, могучим... ! Я же электричка, мне надо назад.

Поезд продолжал свой путь, вдруг оставшись наедине с дорогой.

Остановиться нельзя, сойти с рельс нельзя – пассажиры ждут.

Пре-дан, пре-дан, пре-дан....

Дорога немедленно о таком узнала: встречный прогудел – «электричка тебя бросила? Знаю обрыв – можешь бросаться...»

«Нет, прогудел тепловоз, - далеко не улечу, у меня же крылья любви окаменели рогами...»

А сам все вслушивался в такой родной и удаляющийся знакомый ритм колес, и нежный гудок, ноты которого адресовались другому.

Но беспрерывно стучало.

«Пре-дан, Пре-дан, Пре-дан...»

Пре-данный! ЕЮ.

Старческий маразм, конечно. Современным поездам и место на линиях. Это правильно им вместе мчаться.

А домны готовы к переплавкам.

Он ехал подстреленной клячей, и встречным казалось, что даже колеса у него сведены тоской.

Сначала он собирал в себе все, что вспоминалось напрягающее рядом с ней: бесконечные Ашаны и задумчивые остановки у никчемных для него кустиков. Но потом это ушло. Ведь не маленький маневровый поезд (повернул туда, пособил там, опять повернул...), а большой, тяжелый, известный всей дороге по имени на боках.

И дума его была грузной и безнадежной: «Надо прожить это. Но, в конце концов, ведь проживу! Ну не за два перегона, так за два цикла – из пункта А в пункт Б, и обратно. А разве соизмеримы 6 перегонов счастья – когда не только был счастлив сам, но и она была счастлива тобой, с двумя перегонами после крушения (в таких терминах мыслят тепловозы)».

«Мир уходящей, если там она получит нужное ей,
сегодняшнее счастье!»

«Мир тебе!»

Мир тебе, мир тебе, мир тебе...

А ты, поезд, разве никого не предавал, оставляя за спиной станции, полустанки и пассажиров?! Тебе, небось, хотелось простора и счастья. А те, кто оставался, они тоже тосковали... Оставшись без тебя. Вот теперь ты на себе чувствуешь, каково им... У-у-у-у-

«Пре-дан, Пре-дан, Пре-дан...»

Стук – точка, стук – точка, точка – стук...

Не сойдут поезда с маршрутов. И не отклонятся от графиков. Куда ж они денутся...

Через месяц ушел тепловоз из ремонта в путь. Зачем-то его ремонтировали, наверху, видно приказ последний не вышел. И меньше уже стучат суставы, и ревет котел.

Их, даже списанных, хранят в отстойниках, чтобы, когда электричеству пришел Чубайс, народу было на чем ездить.

Вновь на той же станции опять ждала его та электричка.

С тем же блеском в стеклах и нежным (зачем?) гудком.

И опять их путь совпал. И по ее маршруту, и по их времени.

Больше он не гудел: «Посмотрите направо, посмотрите налево», но, Боже, как безнадежно пре-дан он был!

А он - куда ж денется он со своего пути!

Пре-дан, пре-дан, пре-дан.

Но как ни краток был их короткий совместный перегон, тепловоз, оставшись один, таки встретил уже знакомый электровоз, который торопился навстречу - догонял уже не его – тепловоза, а их совместную электричку.

Они железные эти машины, и масло в них (на то и машинное) не горкнет...

Повторение - стук, повторение – стук, повторение – смена ее пути, стук – один, стук – один...

Пре-дан, пре-дан, пре-дан.

Пре-дан, пре-данн, пре-

Старик и горе.

Что старику горе?!

Он знает – каждая личная беда когда-нибудь становится счастьем испытанного...

Даже в том месте, где его и не ждешь.

Осталось – дожить!

Поезд 2

Пре-дан, пре-дан, пре-дан.

Пре-дан, пре-данн, пре-

Обострились органы чувств. За много верст и дней знал он, где, кого, как она встретит, как расстанется.. Знал, когда и какой вновь встретит. Видеть становилось нестерпимей.

Но он тяжел, неповоротлив и свернуть с дороги!?! Как?
Люди же едут!!!

Пре-дан, пре-дан, пре-дан.
Пре-дан, пре-данн, пре-

Стоп!

А зачем нестись вперед?
Остановись. Подумай!

Стал состав. Застыли в проводах электроны. Погасла форсунка. Замерли колеса.

Бился машинист в поисках поломки, крутились ремонтники. Исправен двигатель.

Стоит состав.
Думает.

Сегодня он – дальновидец. Ясновидец. Бог знает еще что – ну и что?

А может то, что случилось с ним, совсем не для того, чтобы стал ясновидцем и пр....

Может, чтобы стал, наконец, и задумался...

О себе, не об электричке. Ведь, его путь – это ЕГО путь.

«Пре-дан» - не место его на рельсах. Никого не предавал.
Не должен нести это ни понятие, ни слово, ни чувство.

Пре... .. Да!... НН о кому?

Электричка уже другая. Изменили ее маршруты,
остановки и смены направлений

Ты – поезд, сам – другой. Другая скорость и другой
отстук стыков.

Твое место – везти, и любить своих пассажиров.

Остается быть **преданным** только себе, своему ритму,
своей скорости, своим чувствам к пассажирам.

На миллионном километре ты другой, чем на сотом.

Электричка вырастет – ее судьба. Сильна – вынесет. На
своих рельсах стучит своими колесами. Они ничем не хуже его!
Да не ушла, а несется по СВОИМ путям. Спасибо, что столько
проехала рядом...

Хватит «предаваться» ей. Это уже не «предаваться» ею.

Шел состав. И устал.

И уснул. У моста.

Потом вдруг

Сказал «Стук!»

Меня же ждут.

А я все тут.

Я – состав. Что ж я встал?

Не стоять, а бежать!

На стрелке стук.

На стыке стук!

Бегу-лечу

Туда, где ждут!

Ту-у-у!

(В.Левин)

Поменял состав маршрут. Сменил дорогу. Не захотел себя – преданного кому-то.

Пре-дан., пре-дан, пре...

Боли?

Разматывается боль на уходящие назад рельсы.

Впереди нет боли. Поезда и мужики вперед себя свою боль не несут.

Поменяй точку отсчета, начни с мига, когда потерял отжитую радость....

В новом отсчете нет места былому.

На новой дороге новые встречи. И, конечно, рядом светит фарами и окнами новый экспресс. Поновее и помощнее ветерана, но той же скорости и дальности маршрута..

Неслись навстречу новые станции и люди, чувства и ремонты.

Отсчет пошел от «Спасибо» той электричке, без которой он всего этого так бы от жизни и не получил. Не сойдя без нее со знакомой колеи....

«Спасибо, что была,
Спасибо, что вольна.
Что улетела прочь
От моего предела...»

Плач

Плачь, девочка, плачь, милая, плачь.
Пусть будет больше слез.
Пусть капли сольются в струи.
А струи в поток.
Чем плотнее будет поток.
Тем ярче засияет в нем радуга.

Плачь, девочка, плачь, милая, плачь.
Пусть будет больше слез.
Пусть полней льется поток

Лишь бы была плодородна почва,
На которую падает он.
Сколько роз поднимется от твоих слез!

Плачь, девочка, плачь, милая, плачь.
Пусть полней льются слезы.
И с каждой чистой каплей выльется из тебя
Чернота, нечаянно зачерпнутая тобой.
А когда выльются слезы, унося твою беду,
Ты останешься чистой-чистой.
Как слеза.

Воздухоплавание

Воздушный змей летит в режиме: как надо. Его единственная связь с землей определяет и его возможности, и выбор высоты, и скорость полета. И его «Надо» совпадает с понятием «Мочь»: «Я Могу только то, что я Могу.»

Вертолет знает, куда лететь, как правильно лететь и, вообще, он относится к тем, которые знают. Те учат, оценивают, воздают, награждают, когда надо – приносят стакан (иногда с цикутой)), осуждают (иногда деревянным крестом).

Воздушный шар ищет и чувствует. Каждое дыхание воздуха и земли, океана и ледника он воплощает в движение и смещение – вверх-вниз- в стороны, медленнее-быстрее.

Так выпьем за птиц. У которых есть все: они знают и чувствуют, как надо лететь, и свободны в выборе направления полета, куда ведет их инстинкт, лучше всего определяющий их место в воздухе, и на земле.

Как знают и чувствуют те, кто принял свой стакан и свой крест!

Секвойя

В заурядном лиственном лесу, среди берез, осин и дубов вдруг откуда-то выросла секвойя¹. Такая непохожая на все деревья вокруг, что сразу стала заметной.

И неведомо кто, когда и зачем придумал – ну не было у него другого слова – что это – дерево любви.

Может, потому что выдумал, что оно вечное, может, потому что оно – вечнозеленое, а еще, может быть, всегда красивое...

---

¹ род хвойных деревьев семейства таксодиевых. Единственный вид - секвойя вечнозеленая, высота св. 100 м, диаметр 6-11 м. Естественные насаждения только в горах Калифорнии и Юж. Орегоны (США). Культивируют ради легкой и прочной древесины (используют для подводных сооружений и т. п.), а также как декоративное.

И потянулись к нему люди.

Не было тогда церквей, мэрий и ЗАГСов. Но должно же быть что-то, кто-то, кто собой (или записью в документе, или словом) освящает самое главное в жизни двоих событие. Приходили, кружились вокруг него в танцах и объятиях, любили друг друга. А дерево собой все это утверждало. Оно на минуту становилось праздником и оставалось им, даже оставшись наедине с лесом. А кто-то смелый первым на дереве вырезал Мара+Карим=Любовь. Через 5 лет принесли к дереву первенца и увидели, что их любовь поднялась выше, вместе с деревом. На рост ребенка. А буквы, расширившись, стали больше.

С тех пор десятки лет приходили к дереву влюбленные. И каждый вырезал свои имена. А места на коре хватало всем. Потому что уходили вверх старые записи, освобождая место новым резчикам. Нарастала кора, затягивая порезы, уходили внутрь старые раны.

Поколения и народы сменяли друг друга. Сначала в надписях повторялись Айшет и Мураз, потом Иван+Дарья. Все равно каждый автограф заканчивался словом «Любовь». А дерево любило их всех. Особенно тех, кто приносил к нему вопрос: «Ты извини, дерево, тебе будет немножко больно, можно я тебя совсем немного надрезу? Но, прости, я не из тщеславия, а от любви». «Да чем глубже ты вырежешь», - думал этот ствол ощущений, - тем, может, глаже у тебя будет жизнь...». Одновременно дерево любви ввысь уносило объявление о любви, а вглубь вращала память о счастье других, и боль от этой любви в себе.

Оно росло на чужих Любвях своей болью.

Долго живут секвойи. Много копят.

Они для того и растут, чтобы выше поднять любовь пришедших к ним.

Как в людях судьбы сказываются формой морщин, а количество передуманного числом извилин в мозгу, так и в секвойях шрамы Любвей выращивают душу гигантских

деревьев. И потому-то так долго они и живут, что проживают много Любвей, тех счастливых людей, которые приходили к ним, и желают счастья тем, кто приносит им боль.

А ты, пришедший к ним, задумайся хоть однажды, что поднятая деревом на недостижимую высоту громадина твоей «любви», столь высока потому, что дерево реагирует болью своей сердцевины на усилия твоего ножа.

Радость

Бывает радость внутри себя.

Ее обладатель так самостен в своей радости, что вокруг него – тоже радость.

Кто хочет - греется, кто может - питается, кто нуждается - полнится.

А кто-то завидует - соседу, мол, больше досталось...

И только тот, кто сидит один в сумрачной комнате, чистосердечно счастлив...

Ему, и только ему, достался тот единственный лучик солнца, который и освещает, и освящает забытый мир, в котором теперь есть хоть что-то неподдельно чистое, ясное и теплое.

И это - ЕМУ.

Солнце принадлежит всем и никому.

А вот этот лучик!!!!!!

Да спасибо, что солнца-радости так много, что его хватило и на этот луч.... Из этой Щели!

Тост

Мы с вами, друзья, многобитные души
на двойку не тянет культура натуры
блестящим бывает и наше оружие
- пластмассовый постук клавиатуры.

И словно в награду за верность экрану,
Сквозь мир суесловья вокруг и над нами.
Сошедших с картинок, мы каждую Даму
И ценим, и любим. За Вас, наши Пани!

А тебе и впрямь хватает своих шариков?

Над вами, гляньте - а вдруг увидите - воздушные шарики.

Пролетают над вами, как над Череповцом. Заняты Они только собой, и ты видишь их. Только если знаешь - где они, какие они...

А вдруг ты захочешь узнать ПОЧЕМУ они такие, как летят, и что их держит вместе.

С земли же не видна ниточка, которая их соединяет, да и нет той ниточки....

А внутри каждого шара - газ - дыхание того, кто шар наполнил.

И снаружи - тоже только газ - воздух - дыхание Того, кто наполнил собой весь мир.

И весь-то шар - тонкая пленка - эго.

Отделяет один газ от другого...

Где уж в той тонкой пленке место для чувств, памяти, мыслей, прогнозов...

Только вот несутся над землей шары, неразделяемые своей волей и своей жизнью. И больше они чувствуют, когда их двое. И больше они слышат... Потому что кроме звуков с Земли, из-под нее, из воздуха, есть еще звук касания шаров... Нагреет солнце, увеличатся шары, вырастет площадь соприкосновений - больше времени пройдет в шелесте прикасающихся оболочек; уйдет солнце - уменьшатся зоны контакта - острее станет каждый, жданнее.

И отличается каждый шар от всего мира именно этим звуком - только ответному шару может он прошелестеть в ответ. Только ему-то он и зеленый, или красный, или в крапинку... С Земли-то не видно, а те, кто отпускал - отлюбовались.

И самое уязвимое место у шарика - зона контакта. От постоянного трения в этом месте пленка утоньшается. Но пока

шаров двое, несутся они над суетливым миром, любясь им, его изменениям и постоянством неизменного спутника. А толщина двух даже потерявшихся пленок все-таки больше самого толстого участка шарика - у горлышка.

Плохо только вот, что если сдуется один - обречен тогда второй шарик. Когда-нибудь обязательно скажется та протертость, которая так сближала его с попутчиком...

Но пока...

Над нашим озабоченным миром, вне трасс птичьих и самолетных несут свои миры запущенные кем-то в добрую минуту Шарики.

Нельзя с Вами... Но сколько же Вы вызвали улыбок у заметивших Вас!

Тарапура

Тарапура по миру трепала с утра
Мириады забот и сует,
Как из лука стрела, как искра из костра
Вроде рядом - и сразу же нет.
Тарапура - Она, Тарапура - Оно,
Тарапура - и Он, и они.
Тарапура со всей суетой заодно,
да и всем торопыгам сродни.
В 116 сторон сразу ноги бегут,
Тыщу стран разом видят глаза.
А какие прекрасные слезы бегут
Коль на каждой ресничке слеза.
Бег по лужам, случается, все-таки тверд
Вспыхнет радугой солнечный луч.
Вот тогда миллионы сияющих морд
Засверкают из брызнувших туч.
Непонятно - какая кому суждена
Ведь похожих не встретить двоим.
Ну а мне повернулась случайно она
Самым трепетным ликом своим...
Дай ей Бог разобраться в беспутьи дорог
И прямую избрать, наконец.
Иль найти вот того, одного, кто бы смог
Ей заполнить 3000 сердец.
Хоть 500 миллионов свалившихся дел
Переделать ему суждено...
Пусть же будет им все, что желать я сумел
На дорогах и Их, и Оно.

Забор

Если часть леса назначить парком, нужен забор. Отделяющий, от-личающий это место.

Внутри ограды – цивилизованно, все в порядке - в парке все на своих местах; снаружи – все произвольно. Как там уже получится у того леса ...

Решетка – разграничитель, знак препинания между однородными – деревьями ...

И эти два объекта: ограда и парк - начинают вживаться в образы, одетые на них окружающими. И приспособляются взаимно, находя в себе все более новые к этому способности.

Одна знакомая ограда начала с того, что вертикально натянула параллельные свои штыри-струны. Строгим нарядом парк уподобился Летнему саду с Невы, там ритмические деревья за решеткой повзводно соответствуют дисциплинированно расставленным статуям. Ни камня влево. Ни лужи вправо...

Тянущиеся ввысь стойки решетки поднимали вверх ее верхнюю планку, и опирались на нее кроны деревьев. Некрасиво же, когда голые стволы виднеются над оградой. А если постараться, и собой исправить не красоту?...

Решетка парка вживалась в образ части парка. Собственно, «парк» осознал себя именно «ИМ», обросши границами. Которые делала очевидными для всех вот эта... «Решетка» Выстраиваясь каждой деталью, стойкой, колонкой, ограда даже меньше думала о парке, чем о себе, делающей участок леса «ПАРКОМ».

Какой же ей надо быть!!!!?

Натянуться струнами? Еще и еще?

Чтобы ветер, попадая в парк, вызвал низкое спокойное гудение чугунных стоек... Чтоб звук успокаивал скрип сучьев и падение листьев, а иногда веток, если и не стволов...

Жила решетка, ощущая свою жизнь делом парка.

Прорастая корнями в ту же плоть земли, которая кормила деревья защищенного ею (и отгороженного ею, понятно же, что для себя, частью леса).

Она одновременно была и организмом, растущим рядом с опекаемым, и выдумщиком, придумывающим, куда же расти? – чего не сделаешь ради любимого дела (или места, или доли)... И, судя по тому, что от ее размышлений менялся ее облик, двигалась ее душа куда-то в сторону архитектуры...

В древнем Риме архитектор должен был быть знаком с музыкой, чтобы натянуть в унисон пару струн катапульт. Тогда, спущенные одновременно, они позволяли с двух сторон равно ударить по снаряду. Чтобы тот летел в прицеленном направлении.

В старину архитектор должен был уметь не только возводить стены, но и уметь их разрушать...

Так и решетка растила себя не только понятием ограждающим СВОЙ участок леса извне, но и (в первую очередь) берегиней себя от необузданности СВОЕГО парка. Ведь он постоянно выметывал куда-нибудь не туда очередной побег (или ветку), ронял листья где ни попадя. А то и так запутывал свои стволы, что не разобрать, где корни вот этого ствола...

Успокаивать такой организм нужно не только подобранными звуками – меняется день, меняется погода, настроение... Не подберешь, и не угадаешь... И какой-то части парка нужен покой и молчание, а какой-то нежное почесывание веток в 12 аллее.

Поэтому менялся узор решетки: она из строгой классической с прямыми штырями становилась решеткой барокко. Штыри изгибались в немыслимых завитках аканта и единый звук решетки распадался на полифонию большого оркестра с высокими звуками вибрирующих прямых тонких комлей листьев и низкими нотами дивных чугуновых стволов. А тремоло листьев на ветру!...

Мало того!

Учитывая каждый побег деревьев парка, решетка научилась изгибаться так, чтобы максимально дать развиваться самым юным, нежным побегам. (Пощадим хотя бы юных...) При этом она обрела еще и объем. Частями своего полотна выгибаясь вовне парка.

Цвет, звук, узор, объем – что еще могла изменить в себе решетка?!

Орнамент, высота, ритм колонн и стоек решетки подчинялись только ей ведомому порядку. Внешне прозрачная решетка наглухо закрывала участки несколько участков парка (что-то он хотел сохранить в глубине себя только себе), и тогда они пропадали для окружающих.

Где-то деревья росли выше, и участок ограды в этом месте соответствовал стволам...

И все это делала ОНА – решетка.

Она настолько стала внутри парка, что принадлежность ее к барокко переродилась в рококо. Но где-то по-прежнему ясел ампир....

И если поначалу она была понятием от-деляющим часть от целого (одну сущность от другой), то ныне она соединяла их. С собой, подавая миру свой парк и парку свой мир, потому что одновременно принадлежала и тому и другому. И, естественно, пытаясь быть красивой всеми своими сторонами и объемами...

Вроде бы, обрамление картины - промысел Божий.

А если изначально решетка так прекрасна, что непосредственно собой (но постоянно неся за собой могучую защиту – свой лес-парк) – то, явно, Создатель думал о пропорциях Мощи и Красоты в этом месте мироздания.

Ведь рама настолько сама по себе является произведением искусства и так много дает опекаемому ею пространству, что ПАРК внутри ее – лишь толика деревьев и обилие подающей их взглядам и пониманию прохожих Заботы и Сочувствия!

И ни слова в этой сказке не было сказано о Любви...

Потерялась перчатка.

Для кого-то это просто беда, потеряться, а вот для нее - все.
Крах.

Любые руки , что поднимут, принадлежат "девочке не от этой перчатки",. Найти пару - нельзя. Всему "ПРОЩАЙ"!

И любимым карманам пальто и шуб.

И тумбочке в прихожей.

Ее (всего-то половинку вещи "перчатки") потеряли.

А она потеряла все.

От иллюзий до надежд. Даже от надежды на надежду.

Без ПРО_СВЕ_ТА!

Как? Ну не дышать, не жить, КАК?

Надо вымечтать спасение, наформулировать и забыть... Это кому-то помогло...

Так ведь не только тебя сметут в мусор, но и не потерянную-то тоже ждет теперь неизбежный конец.

А ведь так заботилась. Старалась, грела - ведь из ангорской шерсти была вязана.

Украшала - никогда рядом не проносили таких красивых перчаток...

Так найти же себе пару! Невозможно!

Но даже и такая же перчатка рядом (а шансов найти - 1 на миллиард) не поможет - нужны еще и единственные руки вот той девочки "от этой перчатки"

Мир перчатки исчерпан и заполнен таким небольшим количеством понятий: "Вдвоем" и "Нужны"!

А что может заставить девочку тормозить маму, чтобы пойти вместе по дороге, где одиноко лежит перчаточка.

Которая навсегда теперь одна...

НО!

НАШЛАсь!

Потому что в пальчике печатки был спрятан серебряный фантик от вчерашней конфеты.

Что уж в тебе, теплой и нежной, блестит так алюминиево, что будоражит память не чувствующих холода ручек?

Дубина

Обычно растения жаждут воды. Но однажды создал Господь дубину, которая питалась исключительно незлым тихим словом. Как получит порцию ласковых интонаций - личность. Не получит - дуб дубом. Толстей, знай себе, и матерей, кору наращивай. И забот в жизни-то всей, как у растения: полиют - не полиют...

Словом!

Только молвите!

Хоть без улыбки!

Но грянул сухостой - ни полдоброе слова четвертый год любимым голосом не звучит. Дуб уже и туда ветки простирает, и сюда... Ан, не дают.

Шуршал, шуршал ветками, скрипел самыми толстыми: "Чего замочал, мол, - голос?" - ну и вымолил. Дождался.

Самый нежный в мире голос, оказывается, умел складывать безликие слова в сухие фразы, а чувственность его так помогала «производственно-безлико» докласть об успехах роста во всей лесополосе, что стало растение потихоньку саксаулом. Ни тени теперь от него, ни покоя.

Колочками произрастает.

Но с надеждами у саксаула не по лыку мука: то взгляд придумает истолковать, то интонацию... А как придумает - расцветает.

Вы когда-нибудь цветущий саксаул видели? Снаружи лысо. Внутри пусто. Трезво до последней добытой капли. Сухо до того, что самую толстую песчинку влажной назначают... Чем цветет?! Зачем цветет? Кто видит?!

А никто. Та (чьим Голосом звучит для него радость), для (или из-за) кого цветет - не видит его (Дубину) - не важен, не нужен. Не интересен.

Двое вместе, когда в радость. А если один себя слышит докукой?!?

Кому нужно - это взаправду, или мерещится?!

Внутри тебя - только твой мир. Кто внутри чего, что внутри кого... Растворись в чувстве...

Вот ОНО-то есть... Но как называется?

Или кажется, что есть. Так подожди.

Себе самому себя ценить скушно. Усыхать пора.

Вобрались лепестки внутрь души. Можно не беспокоится, что увидят, помешают кому.

Тело суше, легче, тоньше... Формы у него прорезались. Прохожий мимо проходил, симпатией проникся. Погладить захотел. А под ладонью что!?

Ну что кора-корой, так он и не ожидал другого. Но ведь дубина в своем одиночестве истосковалась по ласке. И, вроде, пришла...

Так вот нет же!

Бесчувственно бревно-бревном прожила дубина пробежавшие по ней руки и никакой Буратино в ней не шелохнулся.

Для другого вида любви она, Дубина, создана.

Может, для раздумья о любви?

Сомнений?

Понимания, что, может, не в ней, несуразной Дубине, вся глупость собрана? - не во-время подхватила влюбленность... Да не только ее эта беда: «сучка не схочет – кобель не вскочит!»

Т.е. не сама придумала – а изначально в голосе был, таки, призыв.

Другое дело, что Голосу развивать чувства, продолжать... Усилия прилагать. Душу.

Да у голоса форма гортани лучшая в округе. А модуляции.!

Так и льются в душу слушателей! Чтоб жалели и помогали... Сострадали и прослезивались...

А может полюбить Голос?

Бревно-то исходит собою: «Люби, люби! Меня!!!»

А Голос и так примеривается, и эдак, а не может.

Приговаривает, что и «прохожие мешают», и «налюбился я за бесцельно прожитые годы». И климакс, мол, у меня, и полипы...

Сколько слов!

Но!

Смотри предыдущую сказку. «Во-первых сказано, «НЕТ». А все остальное представляет интерес лишь академический!»

Тем временем однажды любимый голос охрип. Простуда.

Прогреть бы ...

Чем могу... Да собой, Дубиной...

Гори, гори ясно...

Среди вороха обломков, поленьев, досок, больших и малых щеп нашла себе

Дубина место - "Ну хоть так я тебе, голос, буду полезна..."

Что за личность - Дубина.

Зачем беречь ее словом! Тем более - подбирать их еще надо...

Все может быть. И уже безразлично почему не услышал их страждущий – то ли на сегодня нет у Голоса для Дубины слов, то ли их вообще нет в Голосе для этого слушателя.

А еще может быть, что «Да» нет у этого голоса этих слов... Ну не отпущено ему.

Гори, гори, мое бревно.

Огню, которым ты станешь, все равно - слов, которых не прозвучало, нет ни сегодня тебе, ни для тебя в этом голосе, да их и нет на языке голоса.

Б.С.Перли

УСЫПЛЯЛКИ

Художник Е.Пичахчи

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Вступление	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Спят шары	8
Засыпают мечты	12
Свет.....	14
Отдых	16
Засыпают капельки.	18
Что спит там, где пусто?.....	21
Засыпают сказки.....	23
Сегодня спят все носы.	25
Спят дети.....	29
Тише, тише, тише.....	32
Давай заснем за всех, кто за нас не спит.	34
Спят листики	36
Заснули дороги.	36
Спят слова	39
Птицы	41
Числа	44
Заботы	47

Вступление

Предлагаемые усыплялки — одно из возможных применений ваших экстрасенсорных особенностей. Чем лучше вы сами представите то, что рассказываете, тем выше будет эффект воздействия.

И еще хотелось бы, чтобы вы, рассказывая их, или другие — свои сказки, которые, конечно, у вас сложатся лучшие, чем эти, были благожелательны, спокойны и очень хотели добра своим слушателям.

Не занимаясь попытками объяснения психологических механизмов, используемых при составлении усыплялок, надеюсь, что они будут благотворны для Ваших детей. Хотя, возможно, и носят экстрасенсорную компоненту.

Предлагаемые сказки, не исключено, что тоже ее несут — то самое экстра (сверх) -сенсорное (чувствительное) чувство любви и заботы, которое так нужно вашим детям!

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время разработаны миллионы технологий изменения внутреннего состояния личности (или, если хотите, запудривания мозгов): от детищ Востока - медитаций дзен-буддизма и йоги до отечественного метода СОЭВУС, разработанного Сытиным. Психотренинги используются и прагматически настроенными деловыми людьми, и спортсменами перед соревнованиями, и больными, жаждущими улучшить свое физическое состояние.

Все эти методики применяются сознательно взрослыми людьми.

Но потребность в паузе, отдыхе, переключении сознания, наверняка, не меньше у современного ребенка, темп жизни

которого по сравнению с темпом духовной жизни предыдущих поколений несоизмеримо вырос.

Перед вами один из примеров применения словесно-образного воздействия на нежные души, которым не обязательно знать, что на них воздействуют по науке. А в успокоении они нуждаются так же, как и взрослые. Но механизм воздействия надо бы адаптировать к пользователям. Ведь трудно от каждого ребенка, которого мы хотим успокоить, ожидать, что его увлечет выполнение команды: "Левая рука тяжелая. Левая рука тяжелая, теплая. Левая рука тяжелая, теплая, темная". То, что предлагается Вашему вниманию, возможно, более соответствует уровню восприятия ребенком слов, направленных на его успокоение. Тема может его заинтересовать, знакомые и незнакомые понятия увлечь, а ритм и тон повествования если не усыпить, то успокоить.

Предназначены СПЛЯЛКИ, вроде бы, для рассказывания засыпающим дедушкой своим чуть более бодрым внучатам.

Но внутренняя, их более важная задача, состоит в том, чтобы помочь ребенку заснуть с улыбкой (или так отдохнуть, что негативные ощущения от предыдущего занятия полностью были вытеснены положительными эмоциями).

Образы, на которых построено повествование, во-первых положительны, а во-вторых, каждое их действие направлено на восприятие его как действие аналогичное защите, расширению, согреву. Чтобы именно таким было воздействие на нервную систему слушателя. И.М.Сеченов говорил, что организм человека реагирует на выдуманные раздражители так же, как на реальные. Вот такие теплые и улыбающиеся раздражители предлагаются Вашему вниманию, чтобы уже Вы спокойно, тепло и любовно донесли их детям, а уж чем лучше они представят то, что слышат, тем больше эффект рассказанного.

Несколько скучных, чисто организационных моментов

Психотренинг может выполнять две функции:

а. Служить для психо-терапевтической паузы в насыщенной событиями жизни детского коллектива.

В этом случае дети среди дня (можно несколько раз в день, если этого требуют обстоятельства) должны сесть, расслабиться, закрыть глаза и слушать.

Здесь надо сказать о том, что настоящее время в дошкольных учреждениях происходит реформа, направленная на личностно-ориентированные взаимоотношения между педагогами и детьми. Устоявшаяся практика методико-воспитательной работы, построена, в основном, на информационном уровне. Ребенок осваивает новые понятия, занимаясь интеллектуальной (общеобразовательной) и художественной (рисованием и музыкой) деятельностью. При этом обычно упускается из виду, что интенсивная деятельность такого рода некоторых детей истощает, приводит к дезадаптации вплоть до неврозов.

Трудно учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка: кто-то устает быстрее, кто-то медленней, кто-то вообще не выдерживает пребывания в коллективе.

Сегодняшняя педагогика основное внимание уделяет индивидуальному подходу к ребенку, опирающемуся на положительный способ общения с детьми. Вместо типовых раньше запретов и порицаний в учреждении (насколько это уж у него получится) должна царить домашняя обстановка вместо казарменной. При подобной перестройке в условиях существующего социума в головах взрослых должна произойти колоссальная работа по изменению их собственного сознания.

Трудность состоит в том, что у педагогов не так много средств, чтобы по-новому сыграть и построить общение с ребенком. Предлагаемые тексты могут стать одним из подспорий в организации пауз в интенсивной жизни маленького человека при переходе от одного занятия к другому. Такие паузы необходимы для поддержания баланса между трудом и отдыхом.

Имеет смысл проводить занятия с использованием текстов в периоды, когда дети особенно нуждаются в них. Практика показывает, что таким днем недели является среда, а в течение дня их можно проводить в зависимости от плана и режима, но особенно после интенсивной умственной работы (физическая работа и игры сами по себе разгружают ребенка).

После окончания занятий грамотные дети могут познакомиться с книжкой с картинками. Тогда следующий тренинг будет нести элемент знакомого - узнаваемого.

б. Для плавного перехода от бодрствования ко сну.

Целесообразно рассказывать СПЛЯЛКИ небольшим группам детей, потому что для создания интимной обстановки читать их надо тихим голосом, без экзальтации.

В условиях детского учреждения стандартно деление детей на 3 вида засыпающих: легко, трудно и протестующих (те, у кого проблема с дневным сном). Имеет смысл с ними работать выборочно: сгруппировать их кровати так, чтобы воспитатель мог подсесть на одну из них. Тогда даже не заснувшие дети получают необходимый им отдых.

Все вышесказанное в полной мере относится и к детям, которым СПЛЯЛКИ будут читать родные.

А то, что относится с воспитателям детского сада в полной мере - к возникающим вновь в наше время представителям забытых профессий: боннам, гувернерам и т.д.

В сказках есть, конечно, и познавательные элементы, и сознательно волшебные и совершенно невероятные - никто не знает, что, когда и какой ребенок вспомнит. А чтобы подкрепить вновь прозвучавшие понятия, в книжке помещены картинки. Но так как дети черпают информацию «из воздуха», выбирая нужное в соответствии с их собственными потребностями, то

настаивать на усвоении нового ни в коей мере не надо. Основное в том, что ВЫ прочтете ребенку - это КАК вы это сделаете. А если хоть что-то новое останется в ребенке, то спасибо ему.

Что не исключает, конечно, ответов на вопросы, если, к счастью, потом, в бодрствующем состоянии, они возникнут к Вам у Ваших юных слушателей.

Спят шары.

Шар со всех сторон одинаковый — угол зрения, как ни крути, не появится, вид не изменится. Нет у него углов. Он во все стороны одинаково закругляется и катится всегда ровно, а не прихрамывая, как яйцо.

У природы есть маленькие-маленькие блестящие - блестящие шарики.

Когда разбивается градусник, ртуть распадается на ртутинки и каждая, как шарик. Их не трогают руками — капельки порознь вредные. Но вместе — в трубочке — очень полезные. У градусника спрашивают: “Здоров ли ребенок?” Капельки слышат и наперегонки бросаются вверх по трубочке отвечать: первые остановятся там, где взрослым понятно — болен ребенок или нет. А остальные вслед за ними выстраиваются —они же одинаковые и дисциплинированные. И круглые – круглые, чтобы друг-дружку не поцарапать.

Спят шарики, которые катятся. В играх — они наигрались, в подшипниках — накрутились, в погремушках — нагрелись.

Спят шарики для битья. Спят мячики. Легкие и белые. Шарики для пинг-понга.

Их целый день били, но они засыпают по-прежнему легкими, прыгучими и белыми. А те, которые разбились, уже не шарики, и спят в другой сказке.

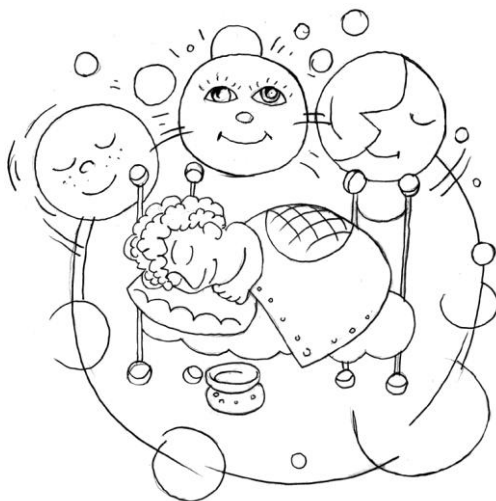
Спят мячики побольше — для большого тенниса и совсем большие — для волейбола, футбола и баскетбола. Спят мячи-чистюли для игры в ватерполо в воде. И спят мячи, в которые играют всадники на лошадях, и мячи для мотоциклистов. Это уж совсем огромные мячи. И все они спят в своих кошелках, коробках и углах.

Спят шары

Спят шары для полетов. Стальные ядра — в спортзалах. И каменные — на статуях, на которых спортсмены готовятся их метнуть. Каменные ядра, наверно, такие тяжелые, что только каменные спортсмены могут их нести.

Сотни лет назад уснули ядра старинных пушек, которые все когда-то метали ядра — сначала каменные, а потом железные. Рядом с самой большой пушкой на свете — кремлевской Царь-пушкой заснули ее тяжелые ядра. А где-то спит ржавым сном ядро, на котором летал офицер, служивший в императорской русской армии — барон Мюнхгаузен. Оно спит, и ему снятся подвиги.

Все, что тяжелое, почему-то всегда темное и хочет упасть пониже. А легкое, яркое — наоборот, стремится вверх — спят, подымаясь, легкие воздушные шары. Они иногда боятся высоты и, оторвавшись от земли, закрывают глаза. К ним сразу приходят легкие цветные сны, в которых им так хорошо, что ни один из них никогда не вернулся назад.

Грозди улетающих воздушных шариков, которые дети запускают по праздникам, постоянно где-то над нами. — Очень много на земле праздников, по которым детям покупают шары для полета, а еще больше на земле любимых детей, которым покупают воздушные шары.

Но бывают воздушные шары и огромные, как дом. На них поднимаются вверх смелые люди.

А сейчас все воздушные шары от самого маленького до самого большого спят. На Земле или рядом с ней.

Спит очень большой шар - наша Земля.

Но есть шар еще больший шар — Солнце. Оно, конечно, тоже заснуло. И так закрыло свои ресницы, что ты только

можешь, закрыв глазки, представить себе, какую черную ночь оно видит во сне.

Но самый большой шар это тот, в центре которого ты себя можешь представить: в нем до звезд справа столько же, сколько слева и сколько снизу, и сколько сверху.

Засыпает и этот шар. Вокруг тебя засыпает весь мир, который вмещается в тебе. В нем звезды, Земля, города, дома, твоя мама, твоя постелька и ты сам, мой хороший мальчик.

И если все вокруг тебя уже засыпают, замолкают и затихают, то давай и мы свернемся в свои клубочки и заснем в теплых и нежных шарах своих снов.

Засыпают мечты

Мечты не могут быть тяжелыми. Они легкие и туманные. Они уютные, теплые и спокойные. И нежностью окружают тебя в каждой точке, куда достигнет твоя мечта.

Самое главное о чем мечтают люди (и человеческие детеныши) – о любви.

Чем больше любви в тебе самом, тем больше ты ее сможешь вымечтать, а чем больше ты ее придумаешь, тем больше ты и получишь ее, и увидишь, и поймешь. Потому что ты и есть то, что ты мечтаешь!

Вот мечта твоя о спокойном и чистом твоём личике – и в каждой точке его покой и мечта о улыбке. Вот-вот она придет в тебя. Лицо разглаживается и смягчается.

Оно освобождается от всего, кроме мечты. А ты уже ждешь мечту в каждой точке ручек – правой и левой.

Послушай только, какие они – эти мечты! Ручки становятся большими, теплыми, тяжелыми. Они окружены невесомой мечтой. И мечты разглаживают ручки, сменяя усилия покоем. Мечта и ожидание покоя во всем твоём маленьком теле. И чем глубже ты уйдешь в мечту, тем больше подрастет твоё тело – и в длину, и в ширину. Растут ножки, правая и левая... Все больше и больше покоя вмещает твоё тело, все теплее и теплей становится воздух вокруг тебя. Чтобы, когда ты проснешься, выросшее на капельку тело осталось таким же немножко выросшим, а воздух вокруг тебя оставался таким же теплым и защищающим, как сейчас.

Расширяется тело. Оно теряет четкость, тяжесть, твердость. Раздвигается, впуская в себя покой и тепло снаружи. Кожа раздвигается, впуская в себя извне силу и защищенность. Тонкая, невесомая и нежная мечта окружает твою постельку и со всех сторон тебя окружает любовь и забота. Ты расширяешься им навстречу, чтобы глубже в тебя проникла эта любовь, чистота и нежность.

И расширяется сердце. В нем еще больше любви. К маме, маме, конечно, к маме. Но, еще, и к папе. И уже не только к ним, а и к бабушке – дедушке.

И к тем милым людям, которые встречались по дорогам в садик и домой, и к этому городу, и ко всем зверям в нем, и птицам в нем.

И пусть я буду большой-большой. Чтобы в меня вместились все, как я люблю этот день, и этот мир. И всю любовь, которую я получаю снаружи.

Я расту, расту, расту, чтобы каждой своей точкой впитать любовь мира.

Тело наливается любовью как блаженной тяжестью.

Я тяжелею, я разрастаюсь, я ухожу в сон.

Вглубь.

Внутрь.

В мир.

В себя.

В сон!

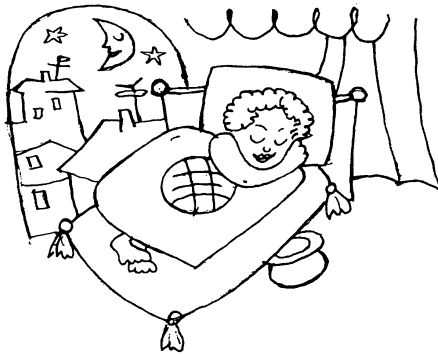
Свет

Мы закрываем глазки и опускаем веки. Они спокойно лежат, едва заметно касаясь друг друга. Внутри за веками темно и спокойно. Они отгораживают нас от света.

По ту сторону век остается все, что светит.

Для нас гаснет весь мир со всем, что в нем блестит, светит и сияет. Внутри нас покой и сумерки. Мы уходим в них глубже и глубже, оставляя снаружи гаснущие, потухающие и выключающиеся огоньки.

Выключаются лампочки на всех работах, куда днем ходят взрослые, и люстры во всех театрах. Засыпают люди, выключив свет в своих спальнях. И гаснут дом за домом, улица за улицей, город за городом.

Свет

Спит усталая земля и усталое солнце.
И светят только те, кто не светить не может.

Засыпают самые маленькие светильники — жучки-светлячки в лесу. А те, которые не заснули, просто, не считаются. Но даже когда они спят, они все равно светят. И все равно светят гнилушки. И тех и других никогда на свету не видно. Поэтому они выбирают время, когда все, что светит днем, засыпает и светят, светят.

И светит луна, которой солнце каждый месяц говорит: “Не свети так ярко, не мешай людям спать!”

“Да, да, — соглашается луна и начинает уменьшаться. Но сойдя на нет, она спохватывается — а вдруг ее забудут, и потихоньку-потихоньку опять начинает расти. Сначала никто на нее не жалуется, и она растет уже смелее, но всегда наступает день, когда она вырастает — больше некуда, и солнце опять журит ее.

Но ночью светят еще и те, кто должен светить.

Фонари на улицах, чтобы дома стояли в своих рядах.

Маяки, чтобы все в сонном море знали — где берег.

Далекie звезды, чтобы, если захочешь, ты был не один на один с темнотой ночи.

Засыпают маленькие лампочки в фонариках — спят маленькие фонарики и засыпают постепенно большие фонарики в домах. Засыпают люди и берут с собой в сон тишину, покой и темноту.

Спи, моя малекая звездочка. Моя тепленькая звездочка. Моя нежная звездочка. Моя ласковая звездочка. И самая-самая любимая звездочка.

Отдых

Сегодня спят все, кто закончил на сегодня трудиться.

Все-все что-то делали. Ходил на работу папа и 3 раза умывался кот. Ревел в зоопарке лев, и напрягалось в проводах электричество, чтобы все лампочки во всех комнатах зажигались.

Отдых

Спят все, кто работал. Они устали и сон приходит к ним, освобождая от усталости руки, ноги, глаза и языки.

Спят те, кто шли. Они, наконец, пришли.

Те, кто ползал, тоже доползли: с маленьких детей мамы сняли ползунки, а на взрослых змей их мамы так пошипели, что те не выползут из нор до утра.

Те, кто плавал - приплыл. Спят корабли у причалов, моряки в каютах, рыбы - под водой. Их сон окутал, как может только вода – в каждую щелочку, в каждую складочку затек и спи-и-т...

Все, кто летел, уже прилетел и теперь отдыхает в своих постели, на кровати или в гнезде, в аэропорту или ангаре - сну все равно. Он тихо и спокойно в свое время обязательно всюду прилетит. И охватит летунов невесомо и нежно.

Игры и игрушки тоже спят. Игрушки играют в свою собственную игру - свой сон. И играют так хорошо, что ты ни что не поверишь, что они не спят.

А игры выиграли друг у друга право спокойно поспать. И аккуратно спят всеми своими коробками и углами. А в каждой коробке сон свой - в одной шахматный, в другой - лоточный.

Отдельно спят мячи. Они из последних сил допрыгали на последнее за сегодня место и смотрят здесь свои круглые сны.

Спят даже те, кто ничего не делал. Они от этого так устали, что сон их пожалел и дал дело - немножечко поспать.

А если заснули все, кто делал сегодня что-нибудь полезное или веселое, или бесполезное, но красивое, или, просто что-то или делал, или не делал, то мой милый ребенок, который так много за сегодня потрудился, конечно заслужил самый теплый, самый нежный, самый добрый и самый хороший сон.

Засыпают капельки.

Когда ма-а-аленькие капельки сливаются, получается большая капелька: из капелек побольше - большая капля. Из капель — лужица, потом — лужи, озера, моря, а когда совсем много капель — океан.

Засыпают капельки

В большом океане так много капель, что тот, кто придумал их слить, чтобы не скучно было считать одинаковые капли, добавил в каждую того, чего нет в других. Потому местами в

океане вода чуть более горька, то чуть меньше; то она солоней, то пресней. Бывают капли, с чуточкой золота, а бывают — и с серебром. Но все они солонны: их так много и верхние так давят на нижних, что у всех выступают слезы — у нижних потому что тяжело, а верхним жалко нижних.

И все множество капель, из которых складываются водоемы, засыпает, засыпает, засыпает.

Огромнен океан, но все капли в нем всё равно не помещаются, и он протягивается к берегу морями. То море, по берегу которого бегают много загорелых детей, называется Черным, а там, где в снежки играют белые медвежата, наоборот, Белым.

Засыпает Черное море, и Белое море, и далекое от них Красное море, и еще более далекое - Желтое . Голубые, голубые моря . Спят.

Над Белым морем холодно, так холодно, что верхние капельки съеживаются и прижимаются друг к другу. Они так прижимаются плечами друг к другу, и так прячут головки в плечи, что становятся ровным твердым льдом, и лёд закрывает остальную воду от мороза. Лед иногда толстый, чтобы в нем было место для пещер, в которых медвежата могут спрятаться от ветра и мороза.

Спит черная ночь над льдом, спит лёд, спят пещеры и спят медвежата.

Засыпает далекий и огромный океан и огромные, и многоводные моря. И чтобы все слышали, как спокоен их сон, они тихо и спокойно гудят в каждой раковине, которую, если захочешь, ты завтра поднесешь к своему уху.

А там, где теплей, заснули в теплой воде неподвижные рыбы. Днём красные и желтые, яркие и красивые, сейчас они спят темные и застывшие в темной воде.

Засыпают большие рыбы больших морей. Спит рыба-кит. Спит меч рыба – она так устала считать шипы на своем мече, что заслужила сон такой же длинный, как меч. Засыпают большие рыбы больших озер, и рыбы больших рек, и рыбы просто озер, и все рыбы маленьких прудов. До самых маленьких головастиков. Как капельки.

Сон и покой внутри каждой капли воды. Под волнами океанов и морей - покой и тишина, там засыпают рыбы и крабы, водоросли и капли, потоки и струи.

Большие капли дождей спят. Они повисают на крышах и ветках и засыпают, забыв упасть вниз.

Спят капли детских слезинок. Дети видят хорошие сны, и слезы их высыхают, так что засыпает память об этих капельках.

И засыпают самые маленькие капельки - те, из которых сделан туман. Им спокойно в тумане и они делятся на капельки все меньшие, и отплывают друг от друга, невидимые в тумане. И слышимые в нем. Как и все остальные капельки, они заботятся о других и гасят все звуки над городом, укрытым туманом.

Но все капли везде снаружи нашего дома уже заснули. И мы закрыли все краны, чтобы могли заснуть и капли в трубах. Мама ушла из кухни. Заснула твердая вода - лед. И мягкая, мягкая вода - туман. И засыпает вокруг тебя самый мягкий, самый нежный туман - твой сон.

А если заснули самые большие капли и самые маленькие капли, то и моей маленькой девочке тоже пора уснуть?

Спи, моя маленькая капелька.

Что спит там, где пусто?

Там спит самая большая дыринка на свете - небо. Большая-пребольшая

земля, все-таки, меньше, чем небо, и она летит в нем, ни на что не натываясь. Бесконечный небесный простор уже заснул, и развесил нарядные лампочки-звездочки, чтобы все видели, что он спит, и не надо его беспокоить.

Что спит, там где пусто?

А если идти по большой поляне или плыть по морю, простор с одной стороны уже ограничен, и то, что снизу - уже земля, и она тоже засypает: как ты. Она надвинула на себя ночь и поютней разлеглась, отдыхая от всех нас, целый день по ней - бегающих, едющих, роющих и шумящих.

Спят улицы - они ограничены еще и с боков. Как видишь, отверстия становятся все меньше и меньше, но в каждое из них приходит сон, а для улицы сон - это чистота. Она освобождается от бумажек и ящичков, которыми намусорили за день мы - люди. И каждое утро мы идем на работу, в школу или садик по совершенно новой отдохнувшей- чистой и веселой улице.

Засыпают отверстия в стенах и заборах - закрытых воротами и специально проделанных, чтобы, помнишь, не обходить

длинный забор, а попасть в школу напрямиком из нашего двора. Через них никто не ходит, и они отдыхают, и во сне уже отделяют то от этого, а соединяют это и то.

Засыпают двери домов. Они заслонили проемы, ограниченные уже со всех сторон, закрылись и высунули язычки своих замков наружу, конечно, защищая хозяев, но и немножко улыбаясь тем, кто и хотел бы прийти в гости, но его не позвали, потому что хозяева захотели спать.

Засыпают отодвигающиеся двери метро и троллейбусов. Они специально спокойно переезжают справа налево, чтобы пассажиры их не боялись. Это только в историях о старинных замках двери опускаются и поднимаются. А у нас такой замок тоже был, и в Кремле у Спасской башни тоже была такая дверь.

Засыпают двери не только прямые, но и округлые - у самолетов, и круглые - у космических аппаратов и подводных лодок. Только там они называются не дверями, а люками.

И засыпают круглые отверстия, к которым совсем не нужны двери - ну зачем двери скворечнику или улью!

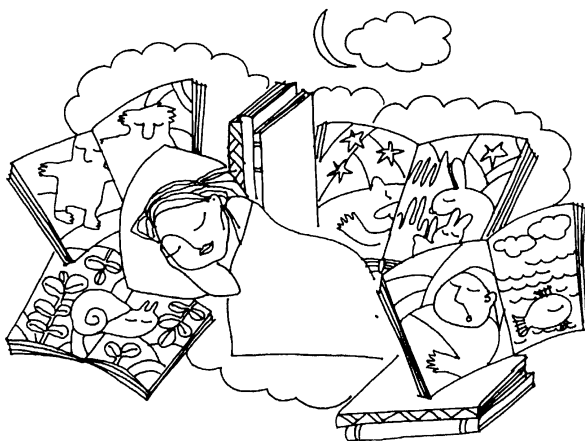
Засыпают даже самые маленькие отверстия — в ушках тех иголок, которыми мамы муравьишки шьют наряды для своих муравьят.

А если большое-большое небо и самая маленькая-маленькая дырочка закрылись на сон, то может быть ушки, которые меня так внимательно слушали, тоже сложатся и закроются до завтра?

Засыпают сказки.

Спят сказки для самых маленьких. Спят те, кто их придумал, и те, кто их рассказал, спят их герои: Курочка Ряба, спрятав под одно крыло простое яйцо, а под другое - золотое. В другой сказке спит Жучка, обняв свою Репку.

Спят сказки для тех, кто постарше. Спят герои и боги в своих мифах, отложив до завтра свои подвиги. Чтобы подвиги были хороши, а герои еще лучше, им всем надо выспаться: и они укладываются каждый в своей сказке. Спят сказочные герои и сказочные звери, и в сказочных снах видят то, что каждому из них кажется сказкой.

Засыпают сказки

Спят сказки для взрослых. Они называются известиями, информационными сообщениями и другими скучными словами, но все равно они сказки, и они засыпают, как только мы

позволим им это, отложив газету, выключив телевизор и радиоприемник.

Спят сказки длинные-длинные. Такие длинные, что ты обязательно заснешь, ожидая, когда же кончится их длина. Они засыпают, и сон их тоже должен быть длинным, чтобы вместить всю сказку.

Спят сказки короткие. Они засыпают: не успев дослушать длинного для них слова: “Спи!”

Спят сказки старые. За свою долгую жизнь они были мифами, и преданиями, сказами, сказаниями и легендами. Но все равно - они - Сказки. Потому что придумывали их Сказочники, а переСказывали Сказители. И каждый из них, конечно, добавлял в старую знакомую Сказку немножко сказочного от себя. Но что бы с ни происходило с людьми и их выдумками, дело там делалось или не делалось, а сказка всегда вы-сказывалась.

И, многократно рассказанные, устало засыпают старые сказки.

Спят сказки новые, о которых все знают, кто их придумал. Заснула даже сказка о том, как во сне приходили знакомиться со своими сказочниками Пеппи Длинный чулок, Карлссон и храбрые хоббиты. В этой сказке спят сказочники, и нужно, чтобы они хорошо спали и внимательно смотрели свои сны во все свои закрытые глаза, чтобы, конечно, гусь принес Нильса куда надо, и никому из Зазеркалья не удалось испортить Алисе ни прически, ни настроения.

Спят все сказки, которые есть. Большие и малые, веселые и грустные.

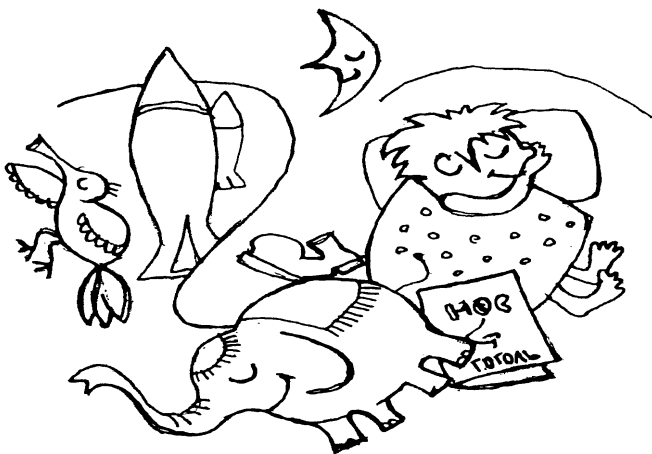
Не спят только те, которых еще нет, но они обязательно придут. И каждая на ночь будет поуютней устраиваться в своей книге. А утром, днем и вечером они будут осваивать новые ушки и новые сказки. Чтобы хорошую сказку знало побольше хороших детей. Ведь когда ты вырастешь большим, ты же обязательно каждый вечер будешь рассказывать своему сыну новую-новую, большую-большую и очень сонную сказку.

Сегодня спят все носы.

Их так много, что их еще больше, чем людей и чем зверей. Потому что все, что движется, (и машины, и самолеты, и муравьи, и рыбы) почему-то всегда движется носом вперед. И только иногда задом или хвостом.

И поэтому, когда ты приближаешься ко сну, первым туда приходит твой нос. Он дышит спокойно и незаметно, как и полагается хорошему засыпающему носу.

Разных носов так много, что сонную сказку о них можно начинать, например, с того, что теплый толстый сон, когда спит, обязательно уютно посапывает и похрапывает, а носы помогают ему в этом: твой посапывает, а наши с бабушкой - наоборот.

Сегодня спят все носы

У всех носов есть немножко общего: во-первых, они никогда не впуклы, и всегда выпуклы, а во-вторых, почти все носы можно пощупать.

И тогда они начинают отличаться.

Конечно, твердостью.

Самые твердые - у ракет и снарядов. Их наконечники такие твердые и холодные, что думать о них перед сном совсем необязательно. Значительно приятней думать о тоже твердых - крепких и сильных носах птиц. Среди клювов есть такие, что пробивают толстое дерево. И чем сильнее проголодается дятел, тем с большей глубины он выковыряет букашку к завтраку.

Такой же твердый, но очень длинный нос у рыбы-пилы. Когда эта рыба плышет, она пропиливает насквозь воду, разделяя океан на две половины. Она не видит дальше собственного носа — умный океан вслед за ней разрез заполняет водой и рыба, устав от бесполезной пилки, тоже засыпает.

А самые нежные носы у собак — что может быть нежнее поднятого к тебе преданного носа друга!? Этот влажный нос настолько нежен, что нежно относится не только к тебе, но и к твоему запаху и, если твоему псу не мешать, он всегда ляжет спать среди вещей, которые пахнут тобой.

Спят птицы, свесив свои тяжелые носы (и ни одна из них не спит клювом вверх), и спят собаки, расположив нос по ветру, чтобы оберегать нас даже во сне от всего, что им подскажет их чудесное обоняние.

Носы отличаются по форме.

Человечьи носы всегда сначала (у новорожденного) курносы, а потом, подражая носам родных, становятся прямыми или орлиными. И все эти большие и маленькие человеческие носы засыпают.

Спят носы курносые, прямые и с горбинками, спят носы вычурной формы и даже такие, у которых нет постоянных очертаний: слоны завязывают свой хобот в узел и выпрямляют его в длинную трубу.

Носы разных форм засыпают, и тьма стирает отличия между ними.

Человеческие носы посапывают все спокойней и тише, а изогнутые носы чайников затаили свое вкусное дыхание до утра и берегут накопленный за день аромат.

Они разные по размеру.

Спят носы самые маленькие. У пчел. Они такие маленькие и чуткие, что умные ученые не знают, как с таким маленьким носиком пчелы находят цветы такие далекие от улья, что долететь к нему могла только какая-нибудь одинокая случайная запашинка.

Спят носы огромные — у кораблей. Они мерно и ритмично хлюпают над волнами и их крепкие выпуклости защищают тех, кто спит за бортами суден.

Спят носы всех башмаков. Острые и тупые, кожаные, матерчатые, резиновые и войлочные. А еще спят носки, которые называются так потому, что сначала их одевали на нос ноги, а,

когда человечество подросло, они выросли тоже, удлиннились и стали сегодняшними носками.

Спят все украшения для носа: кольца, которые вставляют в перегородку между ноздрями африканцы и фигуры богинь на носах старинных кораблей. Носорог опустил рог — предмет своей гордости, и засыпают даже главные украшения мужчин — усы, которыми дяди иногда поддерживают слишком тяжелый нос.

Спят носы всех цветов радуги: белые у нас с тобой, желтые китайцев, синие и зеленые у кораблей и самолетов, красные у пьяниц и снежных баб.

А если всем знакомым тебе носам пришла пора и охота уснуть, неужели мой самый любознательный в мире нос не заинтересуется этим всеобщим занятием? Он так всегда влезает во все на свете, что неужели сегодня он не захочет хоть в самую чуточку щелочки подсмотреть сон, чтобы узнать, что интересное там показывают?!

И не забудь во сне пощупать круглый теплый нос у дедушки Сна.

Спят дети

Они укладываются на правый бочок, подкладывают под правую щеку ладошку и начинают, начинать засыпать.

Те, из кого потом вырастут взрослые люди, называются дети, из щенят получатся собаки, быки и коровы из телят, взрослые трактора из тракторят, а большие морковки, капусты и тыквы из маленьких семян.

Спят дети

Засыпают ребята, и, пока они спят, в них входит следующий день.

Они проснутся на день старше и будут все-все знать о том, чем закончился вчерашний. И если ты чего-то за сегодня не успела сделать или узнать, устраивайся поудобнее на правом бочке, подумай о том, что бы ты хотела узнать завтра, и жди, когда оно наступит.

Спят все дети: совсем-совсем маленькие, и такие большие, как ты, и совсем большие, как две тебя и еще большие, как слон.

Ты засыпаешь на простынке, и этим человеческие дети отличаются от всех остальных - все остальные мамы не так любят стирать, как твоя – человеческая,- а у некоторых, просто, таких заботливых рук нет - и приходится жеребяткам и слонятам, рыбкам и велосипедикам спать стоя.

Спят дети мягкие: засыпают мышата и кенгурята (они вначале совсем одного размера) и спят дети твердые, деревяненькие. Мягкие дети уткнулись в мягких и теплых мам, а большие деревья пошире расставили свои ветки, чтобы защитить свои молодые побеги от дождя и ветра.

Сон приходит сначала к глазкам. Веко прилипает к веку, ресничка к ресничке и закрытые глазки смотрят только в глубь тебя. Маленькие подсолнухи закрыли свои личики и опустили их вниз. Они ожидают утреннее солнце тоже потупившись и глядя в себя. Там спокойно и тепло.

Сон разглаживает все мордочки. И у детей, и у зверей. Все дети, когда спят, становятся красивыми. Сон уравнивает всех: он, как мамы с папами, любит всех детей - веселых и грустных, послушных и ослушных.

Спят дети, которые сегодня говорили и пищали, дудели и лаяли, блеяли и мяукали. Все дети во сне тихие, тихие и совершенно не узнаешь по тому, кто сопит в темной комнате, чей тут спит ребенок.

Потом сон приходит к ручкам. Им так спокойно под щекой и так тепло, что щека уже не знает, где ладошка, а где подушка. Маленькая лодка под голову подложила веслышко, и мягкая вода покачивает и баюкает ее, навевая сны о том, как вырастет лодочка и выплывет в море большим и красивым пароходом. А маленькие ужата подложили по головки собственные хвостики, и сон не знает с какой стороны этого колечка ему начинать его засыпать.

Спят дети, которые ходили и скакали, ползали и летали. Спокойно спят тяжелые и усталые руки и ноги, лапки и крылышки, плавники, хвосты и хвостики.

Спят дети толстенные и худенькие. И сна всегда на всех хватает: маленькой капельки сна для маленького птенчика и большого — на всю зиму сна для большого и теплого медвежонка в берлоге.

А если сна хватило уже всем девочкам на свете: и рыбкам-девочкам, и кискам-девочкам, и веточкам-девочкам и медвежонкам - девочкам, то моя сонюля-доченька тоже, наверно, уже уснула?

Тише, тише, тише

Становимся тише мы, и тише становится кругом, и все шире разливается вокруг нас ровная, спокойная и неслышная тишина. Замолкают шелест и шорох, шепот и шушуканье, в тиши гаснут шумы и шипенья.

Тишина.

Она останавливает движение.

Тише, тише, тише

Останавливаются, замирают, и затихают все, кто шумит, пыхтит, стучит и рычит. Тишина, как одеяло, укрывает грохот, скрежет и вой. Затихают звуки и их люди, звери и машины.

Высоко - высоко летят бесшумные самолеты. Они летят так высоко, что звук их потерялся над тишиной. А ниже их, на колокольнях, заснули большие и малые колокола, свесив вниз тяжелые языки. Самые громкие звуки - от самолетов и колоколов, остались по ту сторону тишины, которая защищает нас и отгораживает нас здесь в покое и тепле.

А по всей тихой-тихой земле спят тихие машины. Внутри них спят их звуки: лязги и визги, пыхи и бухи, гудки и гудения. Заснул звонок твоего велосипеда и шелест его шин. Замерли в

гаражах и на улицах машины, и они спят в тишине, не слышные никому. Те машины, кому нельзя остановиться — паровозы и тепловозы, едут тихо-тихо и баюкают нежно-нежно, чтобы не проснулись те, кого они везут, и те, кому они снятся. И тихо-тихо, спокойно-спокойно и совершенно бесшумно плывут огромные ночные корабли по теплomu океану.

Спят звуки людей — одни остались за стенами и дверями, другие, выключенные, онемели в своих телевизорах, видеках и приемниках. А если какой-нибудь случайный звук где-нибудь как-нибудь скрипнет, то он не считается.

Спят звери. И в каждом спит его голос. От взрослых звуков: звучного рыка льва, лая и воя, мычания и урчания, топота и клекота — до тонких детских писков — засыпает весь огромный мир звуков зверей, птиц и рыб. Засыпают даже те звуки, которых мы не слышим, но они есть специально для тех, кто умеет их слышать. Спят звуки, привычные в лесу и в поле, в воздухе и в воде. А если кто-нибудь из тех, кто любит издавать эти звуки, выйдет по своим важным делам, он пойдет тихо-тихо, чтобы никого не разбудить.

Спят дома. Они расслабили до утра трубы, чтобы вода в них текла тихо-тихо, и закрыли каждую щелочку, в которую может проникнуть внутрь случайно забытый на улице звук — пускай он там отдохнет и заснет, а тогда его — легкого и неслышного нежно подхватит ветер. Ветер всегда подбирает все звуки и уносит их туда, где засыпают ветры.

Засыпают ветра, подобрав остатки звуков. И приходит такая спокойная тишина, такая тихая тишина, что она вливается в тебя со всех сторон. И внутри тебя так все спокойно и тихо, что тишина снаружи и тишина внутри тебя сливаются, и ты растворяешься в них, растекаешься в них и засыпаешь в покое, тепле и тишине.

Давай заснем за всех, кто за нас не спит.

За всех, кто такает и тукает, тюкает и тикает.

Вокруг нас тепло, уютно, чисто и сухо. Это ТАК хорошо! Все ТИП-ТОП! Это сделали те, кого мы знаем и те, кого не знаем, но все они сделали все, чтобы было нам хорошо. Они делали свое дело хорошо и приговаривали: “Так, так, так, так, так!” И когда мы будем спать, они по-прежнему и постоянно будут для нас такать и тукать, тикать и тюкать.

Самые трудолюбивые в таканьи и тиканьи - часы.

Они всегда идут и никогда не останавливаются, потому что они отделяют то время, которое будет, от того, что прошло. Но зато они на каждый «Тик» говорят «Так», подтверждая, что прожитый миг именно Так - правильно прошел. И ушел. И «ТАК» ставит точку в этом процессе.

Давай заснем за тех,
кто за нас не спит.

А те, кто по ночам делают дома (чтобы побыстрее еще каким-то детям было где жить), и дороги (чтобы по ним и днем можно было ходить и ехать) – «Тюк, тюк, тюк – подгоняют камни или плиты друг к дружке.

И точно так «Тюк, тюк, тюк» звучит в больших магазинах, куда товары привозят по ночам. Чтобы мы днем пошли у купили что-нибудь и вкусное и красивое. «И еще один тюк» - поехал по транспортеру на склад, и еще один ...

Они все тик-такают и тюк-тукают, потому что все обо всех заботятся и делают что-то для завтра, даже, когда мы спим. И даже мама, которая больше всех подумала о тебе на завтра, тоже уснула. Так?

А «Тук, тук, тук» стучат в дома, где что-то мешает спать, врачи и милиция, пожарники и спасатели. И пока они не спят, мы с тобой можем спать и мирно, и тепло, и спокойно. Давай заснем, чтобы те, кто не спит, не напрасно делали это.

И поможем им своей сонной улыбкой.

И сонным-сонным дыханием, которое такое большое и ровное, что в нем потухнут и ТАК, ТАК и тик-так, и тук-тук и тят-тюк-тук.

Спим, мои хорошие. Спим? Так...

Спят листики

Засыпают листики сначала маленькие - нежные, пушистые. И сначала, конечно, засыпают самые

Спят листики

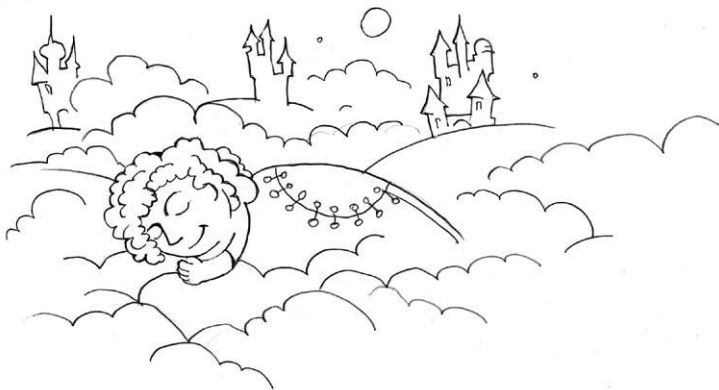
Заснули дороги.

Спи, мой хороший.

Укладывайся поудобней в кроватке, чтобы тебе было уютно и спокойно. И ничто не помешало прийти доброму и теплomu сну.

Твое дыхание становится тихим-тихим. Когда оно стихнет, сон услышит, что может прийти.

Куда бы ни лежала твоя головка — оттуда придет к тебе только твой сон. Справа — придет к тебе сон правого бочка, слева — сон левого бочка, а прямо навстречу тебе не торопясь плывет сон, который теплым туманом, как одеялом, укроет тебя, когда ты заснешь на спине. Закрывай глазки и смотри на свою прямую-прямую дорогу в сон.

Справа приходят сны - разгладилки. Они разглаживают лицо на гладкой подушке и правый бочок на разглаженной простынке. Бочок становится больше и теплей, твоё теплое тельце тает и растекается, тает и растекается вниз и в стороны.

Слева приходят сны-разгляделки. Приходят цветные картины и гаснут внутри тебя. Они уходят вглубь, в серость, в покой, в туман. Покой и туман покрывают твои глазки, твой левый бочок становится больше и теплей, больше и теплей, и твоё тельце тает и растекается, тает и растекается вниз и в стороны, вниз и в стороны.

А когда ты засыпаешь на спине, покой приходит к тебе и справа, и слева, от головы и от ног, и справа, и слева, и сверху, и снизу. Все мягче и мягче становится постель.

Спи, мой хороший.

Все дороги ведут в тебя, и по всем дорогам к тебе стремится сон. По самым маленьким тропинкам муравьи тащат соломинку сегодняшнего сна. Теплые ручьи снов текут к тебе, и

ты вбираешь их и разливаешься теплым озером сна. Ты разливаешься все больше и больше и все больше теплых сонных ручьев впадает в тебя.

По звериным тропам несут лесные звери тебе добрые сны. А сны их, как они сами, пушистые и теплые.

По дорогам, где ходят люди, и ездят машины — по улочкам, улицам, проспектам и дорогам к тебе идут и едут, направляются и плывут сны.

Сверху спускаются сны на парашютах и прилетают на воздушных шарах. Плывут облаками и в каждом облаке своя сказка. И ты летаешь, как облако, во сне. Без веса, в покое, чистоте и прохладе.

Это счастье, которое может тебе подарить только сон. Засыпай, мой хороший, а вдруг сон покажет тебе еще какую-нибудь дорогу.

А чтобы хорошо по ней идти, надо хорошо уснуть.

Во сне можно увидеть кого захочешь. Надо только хорошо спать. Не только дома, но и в поезде, автобусе, теплоходе и самолете. Сон сдвигает города, и чем больше спишь, тем они ближе. Потому всегда в расписаниях пишут сколько нужно спать докуда едешь.

И если так хорошо спать в начале любой дороги, в пути и даже когда кровать стоит на месте, то давай уснем и посмотрим, куда приведет тебя твой сон.

Спи, мой хороший.

Спят слова.

Первыми засыпают самые громкие слова: “Ура”, “Да здравствует” и “Вперед”, и голоса, которыми их кричат. Остаются слова только тихие и спокойные. А никто же сможет сказать “Ура” нежно и шепотом.

Затихают звучащие слова: гудки гудят глуше, рыки урчат протяжней, а стуки и бряки под себя подложили подушки и в тишине беззвучно бухают и бахают.

Спят слова

Засыпают самые короткие слова. Это им просто: легла буквова, накрылась страничкой и заснула. Засыпает слово из одной буквы “О”, а с ним и твое удивление — “О”, и мамина забота — “О тебе”, “О папе”. И засыпает слово “И”, а вместе с ним И все отношения. Между детьми, И между взрослыми, И между вещами. Не говоря уже о поросятах:

– Мой милый, тебе эту песню дарю

И ты ее повтори.

И если сказать не можешь “Хрю-хрю”

Пиши, как можешь, “И-и”. Р.Муха

Сложнее, примерно вдвое, засыпают слова из двух букв: “Ох”, — как хорошо заснуть!”, и “Ой”, — какой сон я хороший увижу!”

А длинные и сложные слова засыпают по частям и в каждой их части отдельный сон. Представляешь, сон у “ВИНОГРАДОСОБИРАЛКИ”. Он бы стал таким длинным, как его слово, и его никогда никто не разбудит .

Засыпают и слова для тебя и о тебе. Короткое слово “уют”, и слова подлинней “тепло” и “покой”, и хорошее слово “улыбка”.

А если спят маленькие слова, и большие слова, и хорошие слова, и ласковые слова, то, может, и ты заснешь среди них, обняв теплые слова “Спокойной ночи, мой хороший”

Птицы.

Птицы

Сегодня засыпают все птицы, которые так красиво поют, и так волшебно летают!!!

Их полетами любимся не только мы, **это делали и люди в древности**. Они, глядя на парящих в воздухе птиц, придумывали первые махолеты и планеры.

Наши самолеты и вертолеты – это рукотворная мечта человека о полете, о котором он **впервые подумал, задумался и придумал**, глядя на птиц.

Итак, конечно, усыплялка начинается с **рассказа о самых маленьких птицах** – колибри. Они так малы, что только их маленьким ушкам слышны звуки, которыми колибри обмениваются с остальной стаей. Птички засыпают, замирая на веточках деревьев, до которых долетели и **где спрятались**, такие незаметные под огромными (для них) листиками. Сон охватывает и их, и листики, и огромное дерево, и весь лес, который состоит из этих деревьев. Сна хватает на всех....

А в городах складывают крылышки **знакомые нам** городские птицы – воробушки. Они помахали каждым перышком на прощанье знакомым крышам, домам, улицам и площадям и **сладко** спят, дожидаясь встречи с ними завтра, и людьми, от которых им весь год перепадает так много вкусного...

Засыпают первые прилетающие весной птицы – скворцы. Спят снегири и сойки. Замолкают стучащие работающие дятлы, попугаи и кенари, которые тоже любят работать-говорить – их только нужно научить – так вот они засыпают, как и ты, закончив на сегодня свои уроки. Даже восхитительно заливающиеся соловьи заснули, закончив на сегодня свои рулады.

Да и кукушка **уснула**, откуковав по 100 лет каждому, кто у нее сегодня спросил: «Сколько лет мне осталось жить?».

На воде засыпают, не отправляясь на берег, чайки, гагары, бакланы, альбатросы. Они качаются на волнах и море, которое весь день кормило их рыбой, мерно и ласково покачивает **птиц**, заботясь о них и во сне...

Спят красивые наводные птицы: лебеди и пеликаны. Их шеи так длинные, что они отличаются от всех остальных даже названием – каждое из этих прекрасных созданий – длинношеее, единственное слово в **русском** языке, в котором три **буквы** «Е».

Засыпают домашние птицы: куры и гуси. Они добрались до домов, которые построили им люди и уютно расположились на облюбованных ими местах и шестках.

Голуби спят в своих голубятнях: они доставили все нужные и важные известия людям, и теперь спят, **давая отдых** крыльям и лапкам, к которым люди привязывали письма друг другу.

Павлины в зоосадах **подобрали** свои хвосты, и каждый глазик на каждом перышке засыпает, и во сне видит, как закрываются глазки на соседних перышках.

Засыпают птицы – охотники: соколы и орлы. Даже самый большой орел – кондор сложил до завтра гигантские крылья, и все, кто **его** боялся, до завтра спят совершенно **спокойно**.

Спят самые радостные птицы на свете – аисты, они приносили в дома маленьких людей, даже когда не было еще капусты, в

которой в разных странах находили детей, и не открыли еще родильных домов, из которых современные мамы получают своих любимых детей.

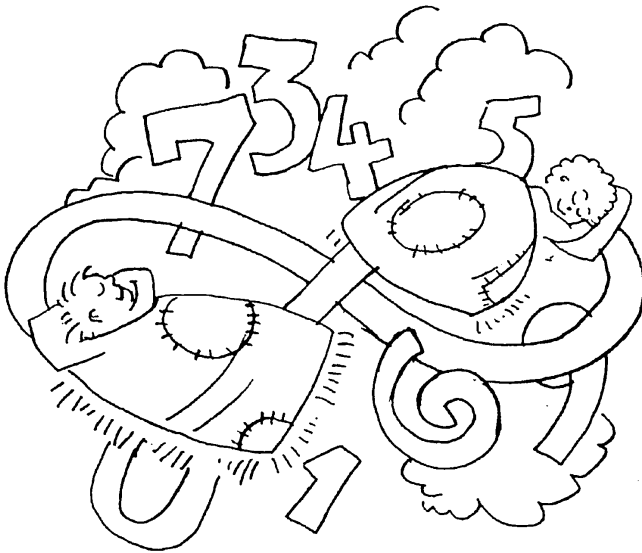
Спят даже героические огромные птицы сказок: сегодня перед сном не такой уж плохой Змей-Горыныч погасил топки своих глоток, птица Сирин (из русских сказаний) не такая уж вещая, а просто - усталая мудрая, как бабушка, птица.

И если все эти красивые, умные, добрые и славные птицы уснули, то давай и мы **будем спать**, мой хороший, послушный и милый птенчик.

Числа

Сегодня засыпают все числа.

Ну сначала-то засыпает бесконечность, для которой и подходящего числа не нашлось, потому что она все равно больше самого большого. Вот как бесконечно число звезд на небе, и число песчинок в пустынях, и число ресничек **вокруг** глаз, которые закрываются и слипаются, чтобы все мире могли заснуть.

Числа

Потом засыпают числа, которые нам уже привычны, потому что многие люди в разных странах их сегодня писали, читали о них,

складывали, умножали, делили и умножали. И вместе с людьми засыпают все числа, которыми сегодня пользовались люди.

Засыпает число миллиард. 1 000 000 000. В миллиардах измеряется число людей на Земле. Сегодня их уже больше 6. И с каждым днем их становится больше, чтобы каждую следующую ночь могли уснуть все больше людей. А есть страна, где люди уже уснули. Она называется Китай. Там уже спит больше миллиарда жителей. Глаза у них уже чем у нас, и их векам легче сомкнуться, чтобы скорее уснуть. И все они спят и видят свои китайские сны.

Засыпают миллионы людей. В нашей большой стране люди сегодня видят 140 миллионов снов. И каждый из них не похож на другой, в отличие от людей, которые иногда бывают близнецами. Тогда их даже мамам трудно различить. А миллионов снов даже больше, чем людей, потому что иногда за ночь показывают не один, а несколько снов.

Засыпают тысячи. Из тысячи метров складываются километры и засыпает все проехавшее, проплывшее и оставшееся под крыльями самолетов у всех путешественников во всем мире. Из тысяч граммов складываются килограммы, из тысяч килограммов собираются тонны, и засыпают все тяжести на земле на том месте, где их положили.

Засыпают сотни. До ста градусов нагретая вода кипит, а потом из нее получается вкусный чай, который ты будешь пить завтра, когда проснешься. А каждый градус такой теплый, что их хватает даже на то, чтобы тебе было тепло под своим одеялком. И под одеялом становится все теплей и уютней.

А из сотни сантиметров получается метр, который вот-вот перерастет мой маленький. И каждый сантиметр моего любимого тельца согревается, тяжелеет, и засыпает, засыпает, засыпает...

Засыпают десятки. Десять пальчиков на руках и десять пальчиков на ногах расслабляются и лежат спокойно, спокойно. В каждый пальчик входит сон, и тяжелые, и теплые они все глубже погружаются в сон.

Засыпают Семерки. Это самая счастливая цифра. И столько же дней в неделе. Понедельник, вторник... и до воскресенья – пусть каждый день будет хорошим у моего **замечательного** мальчика.

Засыпают Пятерки. Это самая хорошая отметка. Пусть засыпают все пятерки во всех дневниках у хороших, умных и **много** трудившихся детей..

Засыпают Четверки. Это – самая надежная цифра. Засыпают все четыре знакомые тебе лапы у нашего кота, у нашей собаки...

Они надежно носили своих зверей целый день... И теперь засыпают, засыпают, засыпают.

4 ноги у стола, у кресел и стульев. Их специально по 4, чтобы быть надежными и устойчивыми. Они засыпают, даже во сне не теряя надежности и покоя.

Засыпают тройки. И конная упряжка, которая так и называется – «тройка», и три богатыря: Алеша Попович, Илья Муромец и Добрыня Никитич. Засыпают даже все три головы у Змея Горыныча. Это сказочная цифра. И она трижды тебе улыбается, засыпая.

Засыпают Двойки. Даже твои носочки, которые жили в разных местах комнаты, наконец, встретились, и теперь образуют пару. Ты их (и перчатки) утром **о**денешь и понесешь гулять. Именно парой, потому что у тебя 2 ручки и две ножки. 2 глазика, которые засыпают, и 2 колеса у твоего велосипеда, потому что на одном очень трудно ехать.

Засыпают Единички. Самая главная цифра. Потому что одна у тебя мама, один у тебя папа... И все остальные числа состоят из единичек. **Мы** говорим «Пятерка», **и** она состоит из пяти единичек, а в 100 **градусах** – сто единичек-градусов, собравшихся вместе обсудить: «Хорошо ли кипит вода?».

И засыпает главная единичка на свете – мой маленький, хороший и добрый сыночек. Засыпай, мой единственный!

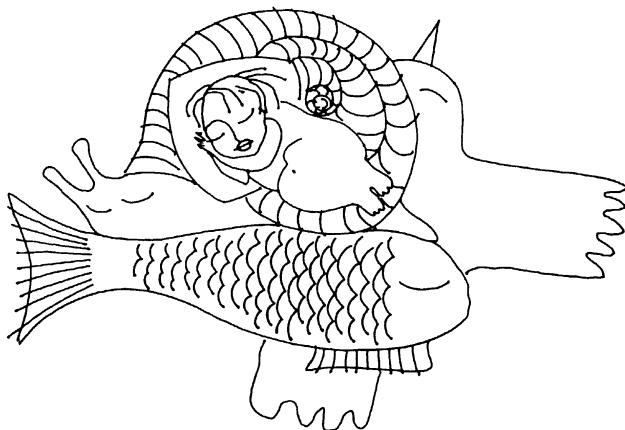
Заботы

Сегодня засыпают все заботы. Большие и маленькие.

Важные для всех и не очень важные. Но **уснуть** для них – **сейчас** самое главное **дело**.

В первую очередь засыпают звезды. Их забота – светить - так привычна, что даже и во сне они светят, лишь иногда подмигивая.

Спят заботы планеты Земля. Она **вращается** вокруг своей оси так медленно, что ты этого даже не замечаешь. И на спокойно спящей Земле засыпают все, кто сегодня заботился и беспокоился **о других людях**.

Заботы

Спят заботы у зверей – они уже не ищут себе еду, а спят, оставив **все хлопоты** до завтра. Давай им пожелаем вкусных забот завтра!

Спят заботы у птиц. Им можно не махать крыльями до завтра, **и**, даже если они **уснули**, **то** парят в воздухе и ветер им обязательно помогает и несет в нужную сторону.

Спят заботы у растений. Деревьев, кустов, травинок. Они даже во сне спокойно растут, потому что ветер их может согнуть, - они все равно выпрямятся, а если дождя долго не было, все равно когда-нибудь он обязательно пойдет...

Засыпают заботы у главных людей – тех, кто правит своими странами.

Они так хорошо позаботились днем, что люди в разных странах даже не волнуются, что их главные начальники спят.

Засыпают заботы городов. Возить в метро, троллейбусах и трамваях, привезти назавтра всё-всё-всё в магазины, и расставить все здания по улицам так, чтобы они никому не мешали завтра идти по своим делам. И заботы городов засыпают, засыпают, засыпают.

Засыпают заботы в домах.

Дома, где взрослые работали, оставили свои заботы и суету, погрузились в тишину и отдых.

Дома, куда люди пришли отдохнуть, тоже погасили свет, выключили газ, воду и уложили свои заботы по углам комнат, где они спокойно ждут своего часа.

Засыпают заботы дедушек и бабушек, которые так много заботились за свою жизнь, что им очень нужно, чтобы их заботы отдохнули до завтра.

Спят заботы пап. Они заботились о том, чтобы всем вокруг было хорошо. И на работе, и по дороге туда и домой. И вокруг дома....

Спят заботы мам. Ведь все, что тебя окружает в доме – это мамина забота. А еще мамы должны быть красивыми, и они заботятся еще и об этом. Но то, чтобы и папа был красивым, и ты стал красивым – тоже мамина забота.

А самая главная забота у мамы, чтобы тебе было хорошо, и **ты рос без забот и волнений**.

Засыпай, моя родненькая забота.